

A black and white photograph of a man, Robert Capa, in profile, looking down at a camera he is holding. He is wearing a jacket and has a serious expression. The background is a plain, light color.

«Мне кажется, что Капа со всей определенностью доказал: фотоаппарат — это вовсе не холодное металлическое устройство. Как и ручка для письма, фотоаппарат есть тот, кто им снимает. Он — продолжение его разума и души».

ДЖОН СТЕЙНБЕК

РОБЕРТ КАПА КРОВЬ И ВИНО

вся правда о жизни
классика фоторепортажа,
фотографа знаменитого
«Русского дневника»
Дж. Стейнбека

АЛЕКС КЕРШОУ

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Из личного архива

Алекс Кершоу

**Роберт Капа. Кровь и
вино: вся правда о жизни
классика фоторепортажа...**

«ЭКСМО»

2002

УДК 929:070

ББК 76.01

Кершоу А.

Роберт Капа. Кровь и вино: вся правда о жизни классика фоторепортажа... / А. Кершоу — «Эксмо», 2002 — (Из личного архива)

ISBN 978-5-04-088792-7

Книга-правда о жизни выдающегося фотографа, классика фоторепортажа и соавтора знаменитого "Русского дневника" Джона Стейнбека. Многие годы прошлое Роберта Капы по большей степени оставалось загадкой даже для тех, кто думал, что хорошо его знает. Перед вами не просто биография, а целое расследование – изучение источников, копание в архивах, поездки по местам событий, а главное, встречи, беседы и многочисленные интервью с людьми, которые знали Капу. Эта книга – результат титанической работы автора и созданной им команды.

УДК 929:070

ББК 76.01

ISBN 978-5-04-088792-7

© Кершоу А., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

За три тысячи миль от Омахи	6
1. Разговор в Будапеште	9
2. Варвары у ворот	16
3. Человек, который сделал себя сам	21
4. Война страстей	29
5. «Смерть республиканца»	32
6. «La Pequeña Rubena»	39
7. «400 миллионов»	52
8. Окончательное поражение	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Алекс Кершоу

Роберт Капа. Кровь и вино: вся правда о жизни классика фоторепортажа...

Copyright © 2002 by Alex Kershaw

This edition published by arrangement with United Agents LLP and The Van Lear Agency LLC

© Кручина Е., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Уоррену Трабанту

*Капа всегда виделся мне в ослепительном костюме матадора, но
этот матадор никогда не убивал.*

*Великий игрок, он отважно сражался за себя и других в
круговороте событий.*

*Судьба его была predetermined: он должен был погибнуть в
зените славы.*

Анри Картье-Брессон

За три тысячи миль от Омахи

Мне кажется, что Капа со всей определенностью доказал: фотоаппарат – это вовсе не холодное металлическое устройство. Как и ручка для письма, фотоаппарат есть тот, кто им снимает. Он – продолжение его разума и души.

Джон Стейнбек, статья в журнале «Популярная фотография», сентябрь 1954 года

Однажды поздним осенним вечером я ехал через штат Виргиния на север, наблюдая, как Голубой хребет становится все выше по мере моего приближения к Бедфорду. Здесь, в Бедфорде, был сооружен первый мемориал, посвященный Дню «Д» – дню высадки союзных войск в Нормандии в 1944 году. Уже на закате я добрался до этого мемориала вместе с 85-летним Роем Стивенсом, ветераном, бывшим сержантом 1-й роты 116-го пехотного полка 29-й дивизии. Несколько раз к нам подходили очень пожилые люди, готовые поделиться своими воспоминаниями с господином Стивенсом. У некоторых в глазах стояли слезы. Это были ветераны Арденнского сражения, высадки в Анцио и битвы в Нормандии.

Позже Стивенс в подробностях рассказал мне свою историю. Рано утром 6 июня 1944 года он находился на борту десантного корабля, направлявшегося к участку нормандского побережья, носившему кодовое название Омаха-бич. Перед самой высадкой Стивенс увидел своего брата-близнеца Рэя. «Он протянул мне руку, хотел пожать, – вспоминал Рой, – но я не протянул ему в ответ свою, а вместо этого сказал: “Слушай, давай я пожму тебе руку в Вьервиль-сюр-Мер, на развилке дорог, сегодня же утром, но попозже”».

Рэй опустил голову и сказал, что этого не будет. Он был уверен в том, что не выживет. Рой Стивенс тоже не добрался до Вьервиль-сюр-Мер. Его десантный корабль затонул в нескольких сотнях метров от побережья за несколько минут до того, как на Омаха-бич хлынула первая волна американских войск. Рой Стивенс не погиб: его спас солдат 1-й роты. А на Омаха-бич он высадился лишь четыре дня спустя – и нашел там временную могилу брата и еще нескольких своих друзей.

Его брат и еще восемнадцать молодых людей из Бедфорда погибли за несколько минут, едва ступив на «кровавую Омаху», где в День «Д» разыгралась величайшая бойня. К вечеру того дня из тридцати пяти солдат 1-й роты, призванных из Бедфорда, двадцати одного уже не было в живых. Историки войны считают, что в пересчете на душу населения Бедфорд понес самые большие потери из всех американских городов.

В скромном доме господина Стивенса, напоминающем ранчо, мы до позднего вечера говорили о его брате, о Бедфорде и о войне. В конце разговора я вручил ему потрепанную книгу, которую нашел в Нью-Йорке, в букинистическом магазине. Она называлась «Образы войны» (*Images of War*).

– Это кто написал? – спросил Стивенс, пролистав книгу до 105-й страницы, на которой начиналась глава «Десант!».

– Роберт Капа, – ответил я. – Это единственный фотограф, который высадился на Омаха-бич с первой волной десанта. Со 116-м полком, на участке *Easy Red*.

– *Easy Red*? – переспросил Стивенс. – В первой волне? Он был из пехоты или из береговой охраны?

– Нет. Это был журналист, венгерский еврей. Он пошел добровольцем.

– Добровольцы – среди них были лучшие из лучших. Но и они долго не продержались.

Стивенс прочитал слова Капы: «Должен сказать, что военному корреспонденту положено больше выпивки и больше девушек. Ему лучше платят и дают больше свободы в выборе пози-

ции. А еще он может струсить и не понести за это наказание. Военный корреспондент может сделать ставку (а ставка – жизнь) на какого угодно скакуна, а может в последний момент вообще забрать ее обратно. Я игрок. Я решил пойти с первой волной»¹.

Стивенс посмотрел на фотографию: несколько солдат изо всех сил пытались выбраться на берег под сильным огнем.

– Как, говорите, его звали?

– Роберт Капа.

– Наверное, он очень хотел сделать эти снимки...

Стивенс долго сидел молча, перелистывая одну за другой еще восемьдесят страниц книги. Наконец он добрался до одной из последних фотографий Капы, сделанной в Индокитае в 1954 году, за несколько дней до его смерти в возрасте сорока лет. Стивенс закрыл книгу и откинулся на спинку кресла. Я понял, что он устал.

– А вы потом бывали на Омаха-бич? – спросил я.

– Да, – сказал он с гордостью. – Конечно.

Он показал мне на стену с рядами фотографий в рамках. Среди снимков были вмонтированы две медали «Пурпурное сердце» – его самого и брата. Там также висела небольшая фотография, на которой он был запечатлен идущим по Омаха-бич в 1994 году. Лицо на снимке было перекошено от волнения.

– А вы там были? – спросил он.

– Да, этой весной.

– А на кладбище?

Я кивнул. Да, в то пасхальное воскресенье я припарковал свою машину у рядов туристических автобусов. Автобусы были пусты: все пассажиры, восьмидесятилетние американцы и их родственники, уже ушли на кладбище. Там, на вершине скалы с видом на пляж длиной в шесть с половиной километров, под мраморными надгробиями были погребены тысячи их сверстников...

Сначала я поразился тому, как просто, но достойно выглядели памятники на кладбище; все они «смотрели» в одном направлении – на запад, к дому. Потом я увидел одинокую женщину средних лет. Она стояла перед могилой и рыдала. Наверное, там лежал ее отец, которого она никогда не видела. Он погиб примерно в двухстах метрах от этого памятника вместе с несколькими сотнями других американцев, которые высадились здесь в тот мрачный июньский день.

Почти шестьдесят лет эти двести метров пляжа никто не трогал. Конечно, мины, неразорвавшиеся снаряды и все другие орудия смерти отсюда убрали, но здесь остались людские души. Под сильным дождем я прошел по участку *Easy Green*, а потом преодолел восемьсот метров сектора *Easy Red*. Именно здесь Роберт Капа запечатлел, наверное, самые важные моменты двадцатого века. Именно здесь он сделал, безусловно, главные снимки в своей короткой и драматичной карьере фотографа.

Над *Easy Red* царила гнетущая тишина – несмотря на вой ветра и шум прибоя. Многих из тех, кто тогда высаживался на этот пляж, но остался жив, эта тишина оглушает. Только в кабине машины, которая спешит в город Байё, или в салоне автобуса, возвращающегося в Париж, какофония смерти снова становится сдавленным стоном и шепотом...

Несколько месяцев подряд я брал интервью у Стивенса, у других ветеранов Второй мировой: фотографов, простых солдат. И каждый раз во время встречи с ветеранами показывал им книгу «Образы войны». Многие никогда не видели фотографии Капы, сделанные на Омаха-бич, не знали о том, что он снимал другие важнейшие события пяти разных войн. Один из

---

¹ *Капа Роберт. Slightly Out of Focus. – New York: Henry Holt and Company, 1947. Капа Роберт. Скрытая перспектива / Пер. с англ. Владимира Шраги. – СПб.: Клаудберри, 2011 (название часто переводят «Немного не в фокусе». – Прим. пер.).*

восьмидесятилетних ветеранов, увидев эти снимки, прикусил губу и закрыл книгу; застывшая фотография как ничто другое оживляет в памяти яркие воспоминания. Этот офицер, один из полумиллиона американцев, которые к 1945 году стали страдать от психических и нервных расстройств (так называемой усталости от войны), сидел и несколько минут молча смотрел на фотографии Дня «Д», время от времени качая головой. Другой ветеран рассмеялся над фотографией француза, вручавшего уставшим солдатам графин вина, и вспомнил такой же случай на своем долгом пути от Омаха-бич до Берлина.

Когда фотографии Капы, сделанные на Омаха-бич, увидел лейтенант Рэй Нэнс, командир Роя Стивенса, он поначалу изо всех сил старался сдерживать свои чувства. Из первой волны десанта, высаживавшегося с ним с баржи, погибли все. Все ребята, которых он знал с юных лет, погибли, не успев даже коснуться песка. Сначала Нэнс говорил медленно, будто не желая ворошить прошлое, но через несколько часов разговорился и откровенно признался, что на Омаха-бич он поверил в Бога. На свете должен быть Бог, потому что иначе как же он тогда выжил? Только Бог мог избавить его от немецкого пулеметчика, который играл с ним в кошки-мышки, когда он один, тяжело раненный, полз двести метров по заминированному песку, сказал он в интервью.

Другие ветераны заметили, что в работах Капы нет ни одной сцены насилия – только образы, полные красоты и печали. И все они захотели больше узнать о человеке, который уловил и сохранил в черно-белых тонах незабываемые моменты жизни каждого из них. Кем был этот азартный игрок? Кто оставил нам визуальное наследие, гимн исключительной силе духа человека?

1. Разговор в Будапеште

*Мало иметь талант. Нужно еще быть венгром.
Роберт Капа, цит. по журналу Life, 19 апреля 1997 года*

Осень 1948 года... Красная звезда, нарисованная поверх старого венгерского флага на хвосте американского самолета Дуглас DC-3 («Дакота»), полученного по ленд-лизу... Роберт Капа опускает взгляд на лоскутное одеяло из крестьянских участков, мало изменившееся со времен феодализма. А вот и Дунай, река его юности... Через несколько минут его самолет уже бежит по взлетно-посадочной полосе к зданию со следами пулеметного обстрела, у которого стоят мрачные коммунистические чиновники.

Капа вернулся на родину после семнадцати лет отсутствия. Вернулся со смешанными чувствами: здесь были и ностальгия, и сильнейшее любопытство, и беспокойство по поводу того, что он найдет в этом новом коммунистическом государстве. Повсюду он встречал напоминания о своем прежнем «я», о еврейском юноше, который не мытьем, так катаньем пытался проложить свой путь в жизни.

Многие годы прошлое Капы по большей степени оставалось загадкой даже для тех, кто думал, что хорошо его знает. Но в 1947 году его старый друг Джон Херси, автор блестящей книги «Хиросима» (1946), сорвал с Капы маску жизнерадостности, обнажив трагическое лицо человека, бежавшего от боли и ужаса. «Фотографу Капы, которому его коллеги и конкуренты приписывают лучшие снимки Второй мировой войны, просто не существует, – писал Херси в малоизвестном литературном журнале “47”. – Капа – это выдумка. Это объект в форме человека – невысокого, смуглого и ведущего себя так, как будто он к чему-то привязан. У него глаза спаниеля, старательно изображаемый верхней губой цинизм и печать удачника на лице. Этот объект ходит, называет себя Капой и считается знаменитым. Но в действительности ничего этого нет. Капа – это вымысел. Так было всегда и во всех отношениях»².

И вот теперь «человек, который сделал себя сам», как Херси назвал Капу, шел через зал будапештского аэропорта. Чиновники компартии, которые его ожидали, знали, что он приехал в Венгрию, чтобы подготовить материал для журнала *Holiday* – своего рода глянцевого американской библии нового поколения богатых путешественников. Вскоре Капа уже был на окраине Буды, аристократической части Будапешта, отделенной рекой Дунай от «высочки» Пешта. Прекрасный город после ожесточенной двухмесячной осады русскими войсками зимой 1944/45 года превратился в руины. «Когда глядишь на сгоревшие отели и разрушенные мосты, – писал позже Капа, – столица Венгрии кажется красавицей с выбитыми зубами».

Соперничавший когда-то с Парижем по архитектуре и изысканности Будапешт был сначала изуродован нацизмом, а затем сталинизмом, который окончательно лишил город его феноменальной прелести. Теперь столица Венгрии восстанавливалась, но происходило это мучительно медленно и в основном вручную. Так, на верхних этажах старого отеля Ritz можно было видеть крошечные фигурки, которые пытались разрушить его стены примитивными кирками. Капа вышел к Дунаю. Здесь тоже в знакомой картине города чего-то не хватало. Внезапно Капа понял, чего именно: исчез мост Эржебет, названный в честь императрицы Елизаветы Баварской. В годы его юности он считался самым длинным подвесным мостом в Европе. Не осталось и следа от трех других мостов – все их взорвали в 1945 году отступающие нацисты. На набережных стало намного меньше кафе, но Cafe Moderne, в котором его отец по утрам

---

² John Hersey. The Man Who Invented Himself. Из рецензии на книгу Капы *Slightly Out of Focus* («Немного не в фокусе», в русском переводе – «Скрытая перспектива», 1947).

играл в пинокль, вместе с небольшим числом других заведений уцелело и под немецкими, и под советскими бомбами.

Преодолевая узкие улочки Пешта, шофер Капы миновал кварталы довоенной постройки, в которых когда-то жили представители деятельной еврейской буржуазии. Это были экстравагантные здания, в которых купола, шпили и башни боролись за внимание прохожих, а балконы хвастались перед ними своими причудливыми украшениями и мифологическими фигурами. Некоторые дома все еще демонстрировали уверенность в собственной значимости – несмотря на безвкусицу поддельных мрамора, бронзы и витражей в стиле ар-деко, а также осыпавшуюся штукатурку пастельных тонов.

Все улицы были засыпаны камнями и щебнем, некоторые дома испарились, как будто их никогда здесь и не было. Устрашал своим безмолвием Еврейский квартал, в котором вырос Капа; многие из его бывших жителей встретили свою смерть в газовых камерах Аушвица. Там и сям на кованых фонарных столбах были развешаны лозунги в поддержку нового коммунистического режима.

Капу начали преследовать странные воспоминания; они, как призраки, выползали из знакомых переулков. Вот слоненок, который делал разные трюки на танцполе ночного клуба «Аризона». Вот навсегда запомнившаяся ночь, в которую его кровь текла по каменному полу отделения полиции. Это было при диктаторском режиме вице-адмирала Миклоша Хорти. Капа вернулся в Будапешт, для того чтобы, как позже писал он, «услышать новую музыку»³. Но пока его преследовали старые жуткие мелодии: Петер Хайм, начальник полиции Хорти, имел обыкновение насвистывать начало Пятой симфонии Бетховена, когда избивал на допросах длинноволосых радикалов – таких, как Капа.

Капа поселился в отеле Bristol – единственном уцелевшем из многих знаменитых элегантных отелей Будапешта. Клерк за конторкой внимательно изучил паспорт и спросил, был ли он когда-нибудь в Голливуде. Нет ли у него там полезных связей? Вопрос напомнил ему о его первом приезде в Америку, когда на острове Эллис, самом крупном пункте приема иммигрантов в США, столь же любознательный клерк спросил его, бывал ли он когда-нибудь в Москве.

При поселении Капе дали скидку на его номер и адрес бара, где он мог найти последние следы буржуазного декаданса в Будапеште. Поздно ночью он добрался до этого бара и поболтал с его владелицей, 25-летней красавицей Анной, которая пожаловалась ему, что при коммунистах жить невыносимо скучно и невозможно делать бизнес. Капа сфотографировал ее: сигарета, фальшивые драгоценности, сексуальный черный топ. У нее были красивые полные губы, блестящие темные волосы и тревожный взгляд. Анна происходила из аристократической семьи и была прекрасной наездницей – до той поры, пока нацисты не увели у нее лошадей, а коммунисты не отняли владения. Анна рассказала Капе, что попыталась уехать из Венгрии, но ее задержала полиция. Теперь она ждала паспорта...

К двум часам ночи Капа почувствовал прилив сентиментальности и попросил Анну прогуляться с ним по берегу Дуная. Там, под мерцающими фонарями, он когда-то очаровывал своих первых девушек; сегодня то же произошло и с Анной... Несколько месяцев спустя он хвастался друзьям в Париже, что переспал с настоящей венгерской особой голубых кровей. До войны, говорил он, человек его круга должен был ломать перед Анной шапку и обращаться к ней не иначе, как «ваша светлость графиня Фехервар».

На следующее утро Капа вышел из отеля Bristol, обвешанный фотоаппаратами «Лейка». Кругом гремели взрывы: это подрывники сносили руины соседних гостиниц. После каждого взрыва над головами прохожих пролетал град кирпичей. Капа отправился на улицу Вацц, когда-то самый элегантный торговый район в Будапеште, если не во всей Европе. В детстве он

---

³ John Hersey. The Man Who Invented Himself. Из рецензии на книгу Капы «Slightly Out of Focus» («Немного не в фокусе», в русском переводе – «Скрытая перспектива», 1947).

общался там с еврейским мальчиком по имени Шандор, который работал в магазине у меховщика. Из каждых двадцати евреев Венгрии Холокост пережил только один, поэтому Капа удивился, увидев Шандора на прежнем месте, но был потрясен его обликом: волосы выпали, а ужас пережитого избородил его лицо глубокими морщинами. Шандор был узником в лагере смерти, потом сидел в тюрьме у русских, а теперь жил тем, что подновлял износившиеся меховые изделия некогда богатых дам...

Через несколько дней в Будапеште Капа встретился с другим своим старым другом, писателем Дьёрдем Маркошем. Капа выступил перед ним в своей обычной роли балагура, плавно переходившего от одной занимательной истории к другой. Он рассказал Маркошу, что когда-то был десантником и во время прыжка оказался на дереве, потому что его парашют зацепился за ветви. Не зная, где он находится – за линией фронта или нет, Капа спокойно висел на стропах парашюта, потягивая из бутылки шотландский виски, пока его не сняли с дерева. В другой истории Капа поведал о том, что однажды он встречался с Рузвельтом и, когда президент спросил его, нельзя ли как-то ему помочь, Капа якобы ответил: «Да, дайте мне паспорт!»⁴

Лишь когда ночь уже подходила к концу, Капа признался Маркошу, что с 1931 года он является перемещенным лицом и все еще мотается по миру с паспортом беженца. Фактически он с семнадцати лет только и делал, что перемещался из одного отеля в другой, из одной зоны боевых действий в другую.

– И что ты будешь делать сейчас? – спросил Маркош.

– Что может делать безработный репортер? – пожал плечами Капа. – Буду ездить, где только могу.

– Так ты что, по-прежнему ищешь приключений? – продолжал Маркош. – Не хочешь признать, что в глубине души ты по-прежнему авантюрист, ты ловишь кураж от войны?

– Да ты с ума сошел! – огрызнулся Капа. – Я ненавижу насилие, а больше всего ненавижу войну⁵.

Эндре Фридман родился 22 октября 1913 года. У новорожденного были густые черные волосы и лишняя мизинец на одной руке. Эти отклонения лишь упрочили веру его матери Юлии в то, что ее сына ждет особая судьба, что Яхве сделал его одним из избранных¹.

Самые ранние воспоминания Эндре были связаны с мировой войной и постоянными ссорами между родителями. Ему было меньше года, когда Венгрия вступила в Первую мировую, или, как тогда говорили, в Великую войну 1914–1918 годов, на стороне немцев. И до самого бегства Эндре из Венгрии по политическим мотивам в 1931 году не было недели, когда бы его родители не ругались друг с другом – как правило, причинами служили неистребимая страсть отца к азартным играм и как следствие его постоянная ложьⁱⁱ.

У родителей Эндре было между собой мало общего, кроме того, что оба были несоблюдающими евреями и выходцами из самых бедных семей. Отец, Дежё Фридман, родившийся в июне 1880 года, вырос в захолустном местечке в Трансильвании, земле древних суеверий, средневековой культуры и романтической чувственности. Еще в юности Дежё сбежал из своей глубинки и несколько месяцев бродил по Европе, пробираясь сначала в Будапешт, потом в Лондон, а затем и в Париж. Всю оставшуюся жизнь он романтизировал это время бродяжничества, и юный Эндре мог часами сидеть и слушать рассказы говорливого коротышки-отца о том, как он выживал благодаря своему уму и умению нравиться людям, как он странствовал в поисках денег и впечатлений из одного неприветливого города в другой.

В 1910 году Дежё женился на Юлиане Генриетте Берковиц, будущей матери Эндре, и они вместе открыли небольшое ателье в Пеште, в районе Бельварош, который и по сень день остается центром коммерческой жизни города. А первое свое жилье они приобрели в новом U-

---

⁴ *Markos György. My Friend Capa // New Hungarian Quarterly. – 1976. – Winter.*

⁵ *Markos György. My Friend Capa // New Hungarian Quarterly. – 1976. – Winter.*

образном жилом доме на улице Варошхаз, в рядом с кофейней Pilvax, где когда-то встречались вожди революции 1848 года.

Называясь портным, Дежё быстро показал себя неудержимым бонвиваном, которому было намного интереснее носить хорошие костюмы, чем шить их. «Успех? Поражение? Жизнью правит удача! А правила жизни столь же просты, как в любимой игре пинокль. Лучшие игроки всегда становятся победителями. Учись у них, и ты когда-нибудь окажешься за нужным столом в нужное время и выиграешь свою партию. Это будет трудная партия, но судьба протянет тебе руку!» Такова была философия Дежё, которую его маленький сын усвоил на всю жизнь.

У матери Эндре взгляды на жизнь были совершенно противоположными. Дочь измученного работой крестьянина выросла в забытом Богом уголке Австро-Венгерской империи в семье, где было десять детей, и всю свою жизнь она неустанно трудилась. Помня о том, как в двенадцать лет ее отдали в ученицы портнихе, Юлия решила сделать все, чтобы спасти своих сыновей от подобной участи. Часто она работала за портняжным столом от зари до зари, мечтая о том, что ее особенный ребенок будет делать нечто большее, чем шить костюмы в надежде продать их еврейским буржуа.

В редкие часы отдыха Юлия часто наряжала Эндре в тщательно сшитые матроски или костюмы с кружевами. На фотографии 1917 года можно видеть задумчивого Эндре, одетого в один из таких изысканных костюмчиков, сшитых его матерью, в окружении улыбающихся родных. Такими счастливыми Фридманы больше не выглядели никогда. В октябре 1918 года, за несколько недель до окончания войны, Будапешт потрясла революция, и семья Фридманов вместе со всеми наблюдала за толпами людей, которые слонялись по улицам, размахивая хризантемами – символом коммунистического восстания, организованного верным ленинцем Белой Куном. Впрочем, эксперимент по насаждению в Венгрии советской диктатуры закончился довольно быстро – всего через 133 дня, 1 августа 1919 года, в стране произошел государственный переворот, поддержанный румынской армией.

К концу осени Венгрию уже твердо контролировал вице-адмирал Миклош Хорти, отличавшийся профашистскими взглядами. За пару месяцев Хорти приказал уничтожить пять тысяч левых, более семидесяти тысяч человек были брошены в тюрьмы и лагеря. Венгрию охватил «белый террор», частью которого стали организованные еврейские погромы, не в последнюю очередь обусловленные тем, что Хорти назвал Белу Куна и других руководителей коммунистического восстания «еврейскими предателями». Фридманы ради безопасности не выпускали своих детей из дома: буквально на соседней аллее правые избили нескольких еврейских студентов, выступавших против антисемитских законов, которые устанавливали квоты на поступление евреев в университеты и юридические школы⁶.

Но самым большой психологический удар по родине Эндре нанесли не поражение во Второй мировой войне и не диктатура Хорти, а лист бумаги – Трианонский мирный договор, явившийся частью гораздо более широкой Версальской системы послевоенного урегулирования. 4 июня 1920 года Венгрия была вынуждена уступить другим странам 70 % своей территории и 60 % населения. Иными словами, новые границы ужали Венгрию на две трети – Венгрия потеряла больше других побежденных стран. Горький протест патриотов-венгров: «*Nem, nem, soha!*» («Нет, нет, никогда!») рефреном прошел через всю молодость Эндре⁷.

В 1923 году Эндре поступил в гимназию имени Имре Мадача на улице Барчай. Учился он ниже среднего, не отличался усидчивостью, часто не выполнял домашние задания, а своим одноклассникам казался неряхой и фантазером. «У него всегда были разорваны брюки, – вспоминала его мать в интервью Джозефе Стюарт. – Эндре нередко бился о фонарные столбы,

---

⁶ Доля студентов-евреев в Венгрии снизилась с 34 % в 1917–1918 годах до 8 % в 1935–1936 годах.

⁷ de Hegedus Adam. Hungarian Background, 1937. – 302 p.

потому что слишком увлекался разговорами. Он был добродушным ребенком, грубости в нем не было. Всегда улыбчивый, иногда немного неуклюжий, что делало его застенчивым. И еще ему всегда нравились девочки – даже когда он был совсем малышом».

К тому времени, когда Эндре достиг подросткового возраста, Юлия уже была слишком занята семейным бизнесом, чтобы уделять много внимания сыну, которого она сама когда-то и избаловала. После школы он бродил по еврейскому кварталу Пешта в компании других подростков, предоставленных самим себе. «Мне кажется, Эндре просто делал все, что ему нравилось», – вспоминала его подруга детства Эва Бешнё, темноволосая и довольно угрюмая девушка с такими темными глазами, что однажды в трамвае вагоновожатый посоветовал ей вернуться домой и хорошенько их вымыть.

В те часы, когда Эндре не бродил по закоулкам Пешта, он играл с Евой и двумя ее сестрами-подростками, Панной и Магдой. «Потом Эндре (а он был великим романтиком) рассказывал мне, что был влюблен в меня и моих сестер и никак не мог решить, кого из нас он любит больше», – рассказывала Эва. Ее мать, принадлежавшая к верхушке среднего класса, категорически возражала против присутствия грубого Эндре, «и он надеялся, что кто-то нас украдет, а он, герой, спасет девушек, и тогда мои родители наконец полюбят его. У него была очень, очень романтическая душа...».

Сейчас 91-летняя еврейка Эва, пережившая почти столетие ужасов, живет в одиночестве в Амстердаме – сюда она переехала еще в 1933 году, когда пришел к власти Гитлер. Хотя физически она очень слаба, голова у нее по-прежнему ясная, а воспоминания – горькие, романтические и яркие. Известный в Голландии фотограф, она всю свою жизнь мыслила образами⁸.

– Я звала его Банди (это уменьшительное от Эндре). Да, такое было у него прозвище. А еще мы называли его Капа, что значит «акула». А у его брата Корнелла была кличка Крокодил⁹.

Как вспоминала Бешнё¹⁰, Банди часто жаловался на скуку и постоянно искал конфликты и опасности. Благодаря Эве он пристрастился к лыжам – несмотря на резкие протесты матери, Юлии. Раздобыв где-то лыжи, 15-летний Эндре сразу же отправился вместе с Бешнё на гору Швабхедь, возвышавшуюся над Будапештом. До этого он никогда не пробовал даже стоять на лыжах, но это не помешало ему смело подняться на подъемнике на самую вершину.

– Я это сделаю, – твердо сказал Эндре, когда Будапешт исчез в дымке, а внизу виднелась только гигантская дуга замерзшего Дуная.

– Но ты даже не знаешь, что делать, – заметила Бешнё.

Эндре пожал плечами:

– Я все равно это сделаю!

– Он никогда не боялся пробовать что-то новое, особенно любил рискованные предприятия, – рассказывала Бешнё. – Тогда я очень надеялась, что он не сломает ногу, и он таки ее не сломал. Он не только спустился с горы, но и снова на нее поднялся... Он всегда хотел делать все сам.

---

⁸ Бешнё очень любила фотографировать. Гордая владелица фотоаппарата Kodak Brownie тратила большую часть своего свободного времени на съемку окрестностей Будапешта. В некоторых случаях к ней присоединялся Эндре, но Эва утверждает: «Когда мы общались в Будапеште, он не интересовался фотографией. Мы никогда не говорили о фотографии».

⁹ Писательница Джозефа Стюарт, изучавшая детство Капы для задуманной ею, но так и не опубликованной биографии, представляла себе молодого Эндре Фридмана «маленьким очень обаятельным негодяем, который всегда куда-то бежал. Он никогда не останавливался, он бежал всю жизнь. У него никогда не было настоящего дома, не было места, где семья традиционно обедала, собиралась за ужином... В общем, у него было бурное детство».

¹⁰ За день до нашего разговора Эва поскользнулась, упала и ударилась головой, поэтому теперь она была повязана цветастым шелковым платком. Эва сама разливала зеленый чай. У нее тряслись руки, но от помощи она резко отказалась. Над каналами Амстердама висела тишина, так что они напоминали бассейны, специально сооруженные для того, чтобы отражать достопримечательности. Эву окружали фотографии, книги и мебель из Баухауса – реликвии последних бурных дней Веймарской Германии. Она хорошо помнила всех мальчиков семейства Фридманов. Старший, Ласло, родившийся в 1911 году, в пятнадцать лет начал работать в семейном бизнесе, но в 1936 году умер от ревматической лихорадки. Самым младшим из них был Корнелл. Он родился в 1918-м, в то время, когда после поражения в Первой мировой войне Венгрия погрузилась в хаос...

Смуглый юноша с густыми бровями, пухлыми губами и нежными руками, Эндре становился все более популярным среди своих одноклассниц и соседских девочек. Его часто можно было видеть в тени моста Эржебет, самом популярном месте поцелуев у юных влюбленных Пешта. Но, судя по всему, свою невинность он потерял вовсе не с большеглазой славянской девушкой из Пешта. Позже он рассказывал, что первый секс у него был с богатой клиенткой матери, женщиной в годах, которая соблазнила его, когда он привез ей новое платье¹¹.

Вскоре Эндре примкнул к левым революционерам. Общественно-политический климат в стране требовал смелых действий: в Венгрии с конца двадцатых годов продолжались кровавые стычки между левыми и правыми. Яростные баталии между соперничающими группировками вспыхивали на улицах венгерской столицы едва ли не еженедельно, и к тому времени, когда Эндре стукнуло шестнадцать, он уже был ветераном уличных боев. Вместе с тысячами других молодых радикалов он часто проходил маршем по рабочим районам Пешта. «Эндре стал политически активным по нескольким причинам, – объясняет Бешнё. – Прежде всего его дискриминировали как еврея, но важно и то, что он сам стремился навстречу опасности».

Во время «охоты на ведьм», устроенной сенатором Маккарти в 1950-х годах в США, Эндре, опасаясь, что прошлое настигнет его, неоднократно отрицал, что был членом коммунистической партии в Венгрии или любой другой стране. В 1953 году в заявлении, сделанном под присягой, он так объяснял свою политическую позицию того времени: «В течение последних двух лет обучения в старшей школе я стал интересоваться литературой и политикой и решил заняться журналистикой. В то время я был крайне критически настроен против антисемитской диктатуры вице-адмирала Хорти. Я изучал социализм, но обнаружил, что совершенно не согласен с целями и методами деятельности коммунистической партии»¹².

В этом заявлении Эндре не стал сообщать ФБР, что однажды в Будапеште поздно ночью он встречался с вербовщиком Коммунистической партии. По словам его брата Корнелла¹³, рекрутер сказал Эндре, что «партия не заинтересована в молодых буржуазных интеллектуалах»¹⁴, так что [Эндре] решил, что он партии не интересен. Если верить Корнеллу, то ночной флирт с коммунизмом обошелся Эндре очень дорого: «Проблема состояла в том, что эту “прогулку” заметила тайная полиция»¹⁵. Когда Эндре вернулся домой, два агента его арестовали. Зная, что многие «подрывные элементы» никогда не возвращались из застенков полиции Хорти, Юлия умоляла их не забирать сына, но ее просьбы были проигнорированы, Эндре бросили в полицейский фургон и доставили на допрос. В маленькой камере, где на стенах оставляли свои имена другие политзаключенные, нанятые Петером Хаймом головорезы жестоко избили его.

«Для большинства горячих молодых людей арест обычно становился сдерживающей мерой, – делилась своими воспоминаниями Бешнё. – Но Эндре они запугать не сумели. Когда они били его, он смеялся им в лицо, потому что они могли только подозревать, что он левый, у них не было никаких доказательств принадлежности Эндре к коммунистам. Думаю, Эндре смеялся над своими мучителями, пока не потерял сознание».

Как и на каком основании его позднее выпустили из полиции? Это остается загадкой. По утверждению Корнелла, этому способствовала жена заместителя начальника государственной полиции Имре Хетеньи, постоянная клиентка ателье Фридманов. «Благодаря этому знакомству

¹¹ *John Hersey. The Man Who Invented Himself. Из рецензии на книгу Капы «Slightly Out of Focus» («Немного не в фокусе»), в русском переводе – «Скрытая перспектива», 1947).*

¹² Досье ФБР, affidavit, данный под присягой Капой 3 октября 1952 года, подтвержден нотариусом штата Джеромом Вайсом. Нью-Йорк, № 24-4207225, с. 2.

¹³ Сара and Сара: Текст в Каталоге выставки фотографий в Международном центре фотографии.

¹⁴ Крайне маловероятно, что коммунисты могли отвергнуть Эндре: у них был на счету каждый молодой и способный к насилию боевик. Кроме того, Эндре не был буржуазным интеллектуалом.

¹⁵ Сара and Сара: Текст в Каталоге выставки фотографий в Международном центре фотографии.

наш отец смог добиться освобождения Эндре при условии, что он сразу покинет Венгрию», – писал Корнелл¹⁶.

Но в силах ли простой еврей-портной повлиять на могущественного полицейского чиновника? Может быть, Хайм просто проиграл Дежё партию в пинокль? Эва Бешнё предполагает, что причина, по которой Эндре в конце концов покинул Венгрию, была гораздо менее драматичной: он просто последовал ее примеру. Сама Эва бежала от нараставшего в Венгрии антисемитизма. В 1930 году отец согласился отправить ее на учебу в Берлин, тогдашний центр экспериментальной фотографии¹⁷.

Когда Бешнё сказала Эндре, что она уезжает в Берлин, тот небрежно заметил:

– Может быть, я тоже туда приеду!

– Да как ты доберешься до Берлина? – удивилась Эва. Она знала, что Фридманы едва наскребли денег, чтобы отдать Эрне в будапештский колледж. Откуда у них деньги на Берлин?

– Об этом не думай, – ответил Эндре. – Я приеду!

---

¹⁶ Сара and Сара: Текст в Каталоге выставки фотографий в Международном центре фотографии.

¹⁷ После того как Эва окончила школу, ее отец договорился, чтобы ее приняли в престижное будапештское художественное училище. Здесь она узнала о нескольких новых тенденциях в венгерской документальной фотографии и идеях левого писателя и художника Лайоша Кашшака, который считал, что фотография – это новая форма искусства, обладающая большим, но пока не раскрытым общественным потенциалом. Фотография, говорил Кашшак, может быть средством выражения правды мира и тем самым может помочь изменить его. Так или иначе, пока Эндре бросал камни в фашистов, Бешнё с фотоаппаратом Rolleiflex делала документальные снимки докеров и венгерских крестьянок.

2. Варвары у ворот

*Я – камера с открытым объективом.
Кристофер Ишервуд «Прощай, Берлин»¹⁸*

В июле 1931 года Эндре сел на поезд и уехал из Будапешта. Только в начале сентября после долгого кружного путешествия он прибыл в Берлин. Одиноким юноша, которому еще не исполнилось восемнадцати лет, внезапно почувствовал себя очень уязвимым. Он долго разыскивал Эву Бешнё и в конце концов нашел ее – она жила в крошечной квартирке¹⁹.

– Как ты сюда попал? – удивилась Эва.

Эндре не путешествовал автостопом и не добирался до Берлина каким-то другим романтическим способом. Чтобы вслед за Эвой попасть в Берлин, он умело «приторговывал» своей еврейской идентичностью. «Эндре всегда был очень умным, – вспоминает Бешнё. – Он обнаружил, что еврейская община Будапешта отправляет одаренных студентов учиться за границу, обратился к ним за грантом, и они приняли его заявление». Но условия, на которых был предоставлен грант, не позволяли ему направиться из Будапешта прямо в Берлин; для этого ему пришлось переезжать из одной принимающей еврейской семьи в другую. Только миновав Прагу, Вены и Дрезден, он наконец оказался в Берлине...

Когда Бешнё спросила, что он собирается делать в Берлине, он ответил, что приехал изучать политологию в знаменитой Немецкой высшей школе политологии (*Deutsche Hochschule für Politik*), и 27 октября должным образом зарегистрировался на зимний семестр. Но Эндре был слишком беспокойным и любознательным, слишком жаждал нового жизненного опыта, чтобы просиживать на бесконечных лекциях, и вскоре начал пропускать занятия.

Первые месяцы в Берлине жить было нетрудно. Небольшие суммы прислали ему родственники, ежемесячно подкидывали денег родители... Но позднее, когда мировая экономика окончательно погрузилась в депрессию после биржевого краха 1929 года, ателье Фридманов потеряло многих клиентов, и Юлия прекратила посылать те несколько марок в месяц, которые ему позарез были нужны. А когда после осени пришла суровая зима, Эндре начал осознавать, что такое настоящая нужда. По словам его двоюродной сестры Сьюзи Маркиз, он скоро настолько оголодал, что стал воровать телячьи котлеты у собаки своей хозяйки фрау Боэн²⁰. Задолжав за жилье за несколько недель, Эндре сбежал от хозяйки, тем более что она начала подозревать, куда исчезают обеды ее любимой таксы...

К началу 1932 года Эндре понял: чтобы продолжать учебу и не голодать, нужно где-то зарабатывать деньги. Поскольку молодой человек собирался заниматься журналистикой, он начал серьезно относиться к фотографии. «По ходу учебы, – писал он в 1953 году, – мои родители перестали присылать мне деньги, и я решил стать фотографом. Это занятие было ближе всего к журналистике для любого человека без знания языка»²¹. (По-немецки он пока еще говорил с трудом.)

Эндре попросил Эву Бешнё помочь ему найти работу в агентстве или в фотостудии.

---

¹⁸ Ишервуд Кристофер. Прощай, Берлин. – М.: Независимая газета, 1996.

¹⁹ После отъезда из Венгрии Эва буквально ожила. «В Берлине передо мной открылись двери, из которых шел свет, – писала она. – Свет во тьме. Я стала другим человеком». Она уже сделала замечательные детальные снимки городской архитектуры и широких улиц. Через видоискатель ее фотоаппарата Берлин представлялся футуристическим мегаполисом «мощных диагональных линий, видов с земли или с птичьего полета, заваленных изображений и экстремально крупных планов» (см. *Diepraat Willem. Éva Besnub. – Amsterdam: Focus Publishing, 2000*).

²⁰ Сьюзи Маркиз, интервью с автором, апрель 2000 года, Париж.

²¹ Досье ФБР, аффидевит, данный под присягой Капой 3 октября 1952 года, подтвержден нотариусом штата Джеромом Вайсом. Нью-Йорк, № 24–4207225, с. 2.

– Интересно, – размышлял он вслух, – а фотографией можно заработать себе на жизнь?
– Ну как ты можешь! – возмущалась Эва. – Фотография – это не профессия. Это призвание!

– Да ладно! Скажи лучше: это интересно?

– Да! Получаешь большое удовольствие.

Эва Бешнё знала нескольких людей, которые могли бы помочь Эндре найти работу. Ей показалось, что лучше всего было связаться с фотографом Отто Умберсом, он же Умбо²², экс-шахтером, который окончил Высшую школу строительства и художественного конструирования – Баухаус, а теперь руководил отделом портретов и рекламы в престижном агентстве Dephot (сокр. от Deutsche Photodienst, «Немецкий фотосервис»). Бешнё позвонила Умбо и спросила, нет ли у него работы для одного «очень умного мальчика». Умбо попросил отправить «мальчика» к нему, чтобы на него посмотреть. Когда Бешнё снова увиделась с Эндре, он уже работал в фотолаборатории Dephot в качестве ассистента: заливал в бачки проявитель и закрепитель, развешивал для просушки отпечатки и одновременно изучал начала экспозиции и печати.

Эндре пришлось по душе захватывающая и динамичная атмосфера фотоагентства. Чудовищно сжатые сроки, невероятные темпы, постоянная погоня за снимками и сюжетами – гонка в Dephot была безжалостной. И, хотя формально Эндре должен был работать за гроши в лаборатории, вскоре он постепенно включился и в другую деятельность: помогал организовывать съемки и выполнял обязанности администратора в главной конторе агентства. Он был безумно загружен работой, которая никогда не кончалась: Dephot снабжал своими фотографиями многие из выходявших тогда 2500 немецких газет и периодических изданий и минимум десятков берлинских газет с еженедельными иллюстрированными приложениями.

Съемки в Dephot организовывал Симон Гутман, невысокий очкарик с безграничным запасом энергии, гений по части придумывания сюжетов и историй. Именно он в 1928 году основал это агентство, надеясь на прибыль от быстрого роста числа иллюстрированных журналов в Германии. К тому времени, когда Эндре начал работать в Dephot, среди фотографов агентства уже числилось нескольких уважаемых фотожурналистов, например Феликс Ман, который с 1929 года работал в *Müncher Illustrierte Presse* за гарантированную тысячу марок в месяц. Возможно, Эндре уже работал в Dephot, когда Ман сделал свою самую знаменитую фотосессию «Один день из жизни Муссолини». Сегодня эти снимки считаются классикой раннего фоторепортажа, фоторассказом, в котором блестяще и тонко показана суетность и абсурдность жизни Дуче²³.

К лету 1932 года Эндре ушел из Немецкой высшей школы политологии, формально ради учебы в которой он приехал в Берлин, и стал помогать Ману и другим фотографам в проведении съемок повседневной городской жизни. Нередко мэтры просили его сменить пленку в маленьком фотоаппарате – это была одна из первых моделей знаменитой камеры «Лейка» (Leica)²⁴. Фотокамеры «Лейка» сделали возможным невозможное: благодаря объективам с высокой светосилой и шторно-щелевыми (фокальными) затворами удалось довести выдержку до 1/1000 секунды. Это позволило фоторепортерам Dephot делать снимки в усло-

---

²² Умбо, человек богемный и яростный энтузиаст дадаизма, сумел преодолеть разрыв между миром фотографов-экспериментаторов, в котором вращалась Бешнё (этот мир сложился под влиянием идей венгерских художников Ласло Мохой-Надя и Дьёрдя Кепеша), и мастерами первого золотого века фотожурналистики. Превосходный «вспышечник», как Эндре называл мастеров работы с фотовспышкой, Умбо не имел себе равных в съемках застигнутых врасплох берлинских декадентов, судьба которых была predeterminedена ходом истории. Героини его фотографий – изящные женщины, застигнутые врасплох вспышкой в подвале ночного клуба; лесбиянки, хихикающие в провонявшем потом кабаке; укутанные в меха дамы полусвета, жрицы берлинской *Süssen Liebe* – сладкой любви.

²³ О Dephot, Феликсе Мане и Гутмане см. *Freund Gisèle. Photography and Society*. – Boston: David R. Godine Publisher, 1980.

²⁴ Более поздние модели Leica висят на шеях почти всех уважаемых фотожурналистов и по сей день.

виях низкой освещенности, не привлекая сложное и дорогостоящее осветительное оборудование¹.

Позаимствовав на время в офисе Dephot новую фотокамеру Leica, Эндре быстро научился выжимать из этой техники максимум возможного. Для практики фоторепортажа не было лучшего места и времени, чем Берлин начала 1930-х годов, представлявший собой диковинную смесь из политических и культурных крайностей. В те годы в Берлине училась Жизель Фройнд, будущая звезда немецкой фотографии. Позднее, после бегства из Германии со спрятанными снимками жертв политики Гитлера, она подружилась с Эндре. «Столица молодой республики, – вспоминала она, – была центром всех немецких художественных и интеллектуальных движений. Берлинский театр стал знаменитым благодаря пьесам Бертольда Брехта, Эрнста Толлера и Карла Цукмайера, а также режиссерским работам Макса Рейнхардта и Эрвина Пискатора. Немые фильмы, снятые на студии U.F.A (Universum Film AG) Фрицем Лангом, Эрнстом Любичем и другими режиссерами, получили международную известность»²⁵.

К 1932 году Берлин превратился в поле битвы левых и правых за будущее Германии. 4 июня 1932 года был распущен Рейхстаг, на 31 июля были назначены общенациональные выборы. 15 июня был отменен запрет на деятельность штурмовых батальонов SA (Sturmabteilung), полувоенной нацистской организации, и Германия погрузилась в бездну политического насилия. В Берлине сотни людей погибали в уличных баталиях, которые проходили в рабочих районах. К середине июля гражданская война грозила охватить всю страну. Все политические партии, кроме воюющих нацистов и коммунистов, требовали восстановления правопорядка. В Берлине было объявлено военное положение.

На выборах в Рейхстаг 31 июля национал-социалистическая партия получила большинство мест; за нее было подано 13 745 000 голосов. Иными словами, средние и высшие классы Германии поставили на Гитлера, отчасти из-за широко распространившегося страха перед коммунистическим восстанием. Казалось, коммунисты быстро набирали поддержку рабочего класса – они увеличили свое представительство на 12 мест и стали третьей по величине фракцией в Рейхстаге с 89 депутатами, но, конечно, не могли противостоять 320 депутатам-нацистам.

Именно в эту осень, в разгар политической неразберихи в Германии, в судьбе Эндре произошли первые большие изменения. Однажды в лаборатории Dephot, проявляя при красном свете очередные материалы, он увидел невероятно экзотические образы. Это были завораживающие картины Индии, какой ее увидел Харальд Лехенперг²⁶, один из самых бесстрашных репортеров Dephot. Вдохновленный увиденным, Эндре ворвался в кабинет Гутмана и стал с жаром рассказывать ему, какие превосходные фотографии ему только что довелось обрабатывать. Оценив его страстность, Гутман решил взять шефство над Эндре и через несколько недель послал его на первое крупное задание.

27 ноября Эндре пробрался на копенгагенский стадион Sportpalast и стал ждать, когда перед большой толпой появится объект его первой съемки. Гутман попросил его сфотографировать выступление Льва Троцкого с лекцией «О значении русской революции». Пока Троцкий говорил, Эндре отбежал назад и сделал несколько зернистых снимков главного сталинского врага, выступавшего перед большой аудиторией. Когда Троцкий замолчал, стадион разразился громкими аплодисментами, а Эндре увидел Троцкого очень одиноким и уставшим. Бурные овации не имели отношения к содержанию речи. Собравшиеся, в основном студенты, приветствовали человека, которого уже преследовали сталинские убийцы, которого отвергала одна

---

²⁵ К этому времени нацисты уже ясно выразили свои намерения в области культуры. Так, на премьере фильма по книге пацифиста Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен», состоявшейся в 1931 году, они организовали беспорядки в знак протеста против содержания ленты. Проникнув в зал Berlin cinema, они разбросали гранаты со зловонным газом и выпустили на зрителей множество мышей. В конце концов усилиями нацистов фильм был запрещен.

²⁶ См. *Whelan Richard. Robert Capa: A Biography.* – New York: Knopf, 1985.

страна за другой и который находился в отчаянном поиске убежища. Когда Троцкий уходил со сцены, казалось, что над ним витает смерть.

В то воскресенье на стадионе Sportpalast не только у Эндре была фотокамера «Лейка», но сделанные им снимки, безусловно, оказались самыми драматичными. А главное – он находился всего в нескольких шагах от героя своего фоторепортажа. С технической точки зрения его фотографии были далеки от совершенства, но обладали тем, что позднее стало его фирменным знаком: личным характером и насыщенностью образа. Вернувшись в Берлин, Эндре обнаружил, что журнал *Der Welt Spiegel* занял его photographиями целый разворот, а мелким кеглем внизу страницы были напечатаны опьяняющие слова: «Aufnahmen: Friedmann – Dephot» (Фото: Фридман – Dephot)²⁷.

Впрочем, первый успех Эндре мало помог улучшить его трудное финансовое положение. Он часто оставался без гроша и потому начал посещать кафе Romanisches, где собирались эмигранты. Здесь можно было «на пробу» ухватить что-нибудь поесть или выпить чашечку кофе за счет своих приятелей-венгров. День ото дня их становилось в Берлине все меньше и меньше. Летом уехала из Берлина его подруга Бешнё. «Улицы уже захватили штурмовики в коричневых рубашках [SA], – объясняла она потом она свой поступок. – Всюду в городе бродили полчища нацистов, и у каждого с ремня свисал кинжал. Меня начал терзать страх»²⁸.

Эндре остался, он не хотел возвращаться в Венгрию, где фашистский режим вице-адмирала Хорти активизировал преследования евреев и демократов. Итак, пока интеллектуалы и художники бежали из Берлина, бездомный Эндре бродил по городу, часто спал в парках и в подъездах и наблюдал, как Гитлер приходит к власти.

30 января 1933 года советники президента Гинденбурга убедили его назначить Гитлера канцлером. Когда на охваченный хаосом Берлин спустились сумерки, повсюду раздавался лязг кованых сапог. Он становился все громче и громче. Эндре увидел, как по улицам идеальным строем прошли нацистские штурмовики, которые держали в руках пылающие факелы. Так они праздновали приход к власти австрийского ефрейтора. Тысячи штурмовиков, новая элита Германии, выдвигались из Тиргартена, маршировали через Бранденбургские ворота и двигались вниз по Вильгельмштрассе. Слова их любимой походной песни «Хорст Вессель» разносились по всей Германии. Занявший рейхсканцелярию Гитлер купался в эти дни в лучах невероятной славы.

Нацистская революция загнипнотизировала немецкий народ. Гитлер обещал немцам национальное возрождение, рабочие места, обещал возродить немецкую гордость и сокрушить декадентские силы, породившие отвратительную Веймарскую республику с засилием гомосексуалистов, коммунистов и евреев. После триумфа Гитлера Эндре стало ясно, что в Берлине ему нельзя оставаться ни дня, иначе рано или поздно его арестуют и скорее всего отправят в концентрационный лагерь. А если он заснет в «неправильном» подъезде или натолкнется на группу пьяных молодчиков из Гитлерюгенда, то они и ножом могут пырнуть, и забить до смерти...

27 февраля исчез в бушующем пламени Рейхстаг, и вместе с ним улетучились все надежды на демократическое будущее Германии. На следующий день Гитлер запретил коммунистическую партию, которая, по его словам, организовала поджог Рейхстага, и объявил в стране чрезвычайное положение. Началась история Третьего рейха. Еще дымились развалины Рейхстага, когда в стране было арестовано более 4000 коммунистических активистов, большое число социал-демократов и либеральных лидеров. Штурмовики отрядов SA Эрнста Рёма врывались в дома и на месте убивали «подозреваемых в подрывной деятельности». «Счастливых» пытали и избивали, прочих отправляли в первые концентрационные лагеря.

---

²⁷ Der Welt Spiegel. – 1932. – 11 December. – P. 3.

²⁸ См. *Diepraam Willem. Éva Besnyó.* – Amsterdam: Focus Publishing, 2000.

Эндре наконец решил покинуть Берлин и связался с еврейской организацией, которая помогла ему в числе первых выбраться из города²⁹. Едва получив деньги на билет, он сразу же сел в поезд на Вену. Среди десятков тысяч людей, бежавших в эти дни из нацистской Германии, были многие из светил науки и искусства XX века: Альберт Эйнштейн, Томас Манн, Бертольд Брехт, Василий Кандинский...

В Вене Эндре на несколько недель остановился у фотографа Derphot Харальда Лехенперга. Но фашизм шел за ним по пятам: через неделю после пожара Рейхстага австрийский канцлер Энгельберт Дольфус также установил в стране тоталитарный режим. К июню 1933 года Эндре вернулся в Будапешт, где обнаружил, что Юлия, Дежё и его старший брат Ласло по-прежнему шьют костюмы и платья, но едва сводят концы с концами.

На несколько недель Эндре нашел работу в туристическом агентстве Veres – он фотографировал для него местные достопримечательности. Но к концу лета ему снова отчаянно захотелось уехать из Венгрии. За время его отсутствия венгерские левые были безжалостно раздавлены, и перспективы стать на родине профессиональным фотографом стали совсем туманными. С очевидностью, следующим пунктом его путешествия должен был стать Париж, в котором тысячи других венгерских евреев уже нашли убежище от фашизмаⁱⁱ.

---

²⁹ Эва Бешнё, интервью автору книги.

3. Человек, который сделал себя сам

Есть люди, которые рождаются парижанами, и Капа был одним из них. Симпатичный жизнелюб, ленивый фронт... Казалось, он появился на свет где-то около Бастилии или в одном из больших домов элитного шестнадцатого округа.

Ирвин Шоу, Vogue, апрель 1982 года

Париж оказался таким же безжалостным городом, как Берлин. Поначалу Эндре изо всех сил бился ради того, чтобы заработать себе хотя бы на еду. Несколько месяцев он кочевал из одного затрапезного отеля в другой, стараясь съезжать до того, как управляющие начнут заставлять его оплачивать счета. Он выполнял самые грязные работы и напивался всякий раз, когда удавалось раздобыть хотя бы несколько франков. Не удивительно, что к зиме 1934 года он стал завсегдаем ломбарда в Латинском квартале. Чтобы выжить, он закладывал самое ценное, что у него было, – фотокамеру. «В основном Эндре закладывал свой главный инструмент – простую фотокамеру Leica с одним объективом и одной кнопкой для съемки, – отмечает Джон Херси. – Неделю аппарат проводил в руках Фридмана, три недели – в ломбарде»³⁰.

Когда Эндре не мог ничего заложить, чтобы купить самую простую еду, он пытался наловить себе на ужин рыбы в Сене, но обычно это ему не удавалось. Иногда он заходил к Серень Фишер, двоюродной сестре своей матери, которая жила в скромной квартирке в восьмом округе Парижа, недалеко от церкви Святой Марии Магдалины, вместе с мужем Белой и шестилетней дочерью Сьюзи. Здесь его всегда ждала тарелка супа; он даже мог пользоваться старым увеличителем, который отец Сьюзи, страстный фотолюбитель, держал в темном чулане³¹. Сьюзи по сей день вспоминает визиты Эндре – ведь он всегда приносил девочке какие-то маленькие подарки и играл с ней. В конце концов Сьюзи стала одним из немногих доверенных лиц Эндре. «У Банди была аура, была харизма, – вспоминает она. – Насколько я помню, первый раз я увидела его в Будапеште, когда мне было три года. Банди был из тех людей, которых невозможно не заметить. Его можно было ненавидеть, его можно было любить, ему можно было поклоняться, но он никого не оставлял равнодушным».

Обитая в тесных комнатках размерами ненамного больше кровати, Эндре и его друзья-эмигранты сделали своими настоящими домами кафе Левого берега. Одним из любимых мест Эндре стало Café du Dôme на Монпарнасе, где когда-то Анаис Нин шептала слова любви Генри Миллеру. Именно в Dôme в начале 1934 года Эндре познакомился и подружился с польским евреем Дэвидом Сеймуром (Чимом). Спокойный и остроумный интеллигент, похожий в своих очках с толстыми стеклами на филина, Чим работал на коммунистический еженедельник *Regards*. Скоро он стал самым близким другом Эндре. Чим родился 20 ноября 1911 года в Варшаве. Он был сыном известного и уважаемого издателя, выпускавшего книги на идиш, и в детстве мечтал стать концертирующим пианистом. Но в колледже в Лейпциге он открыл для себя графику, а позже, изучая физику в Сорбонне, решил попробовать силы в фотографии...

Однажды в Café du Dôme Чим познакомил Эндре с другим фотографом: Анри Картье-Брессоном, происходившим из семьи состоятельных нормандских буржуа, владельцев одного из самых успешных текстильных предприятий во Франции³². Картье-Брессон вырос в

---

³⁰ John Hersey. The Man Who Invented Himself. Из рецензии на книгу Капы «Slightly Out of Focus» («Немного не в фокусе», в русском переводе – «Скрытая перспектива», 1947).

³¹ Le Goff Hervé. Pierre Gassmann. La Photographie à l'épreuve. – Paris: France Delory, 2000.

³² «Одним броском, – писал французский фотограф Жан Лакутур, – маленький беженец из Польши заключил союз между двумя наиболее противоречивыми деятелями искусства того десятилетия – между движением и структурой, между природой и культурой – союз столь же невероятный, как партнерство бурного потока и твердой скалы» (*Lacoutre Jean. Introduction to*

Шантлупе, недалеко от Парижа, он был сыном торговца произведениями искусства, а среди предков его матери числилась Шарлотта Корде – та самая, которая была казнена за убийство известного революционера Жана-Поля Марата. Окончив элитную частную школу и проучившись год в Кембридже, он много путешествовал по Европе, Мексике и Африке. В Испании и Мексике уже прошли выставки его фоторабот.

В глазах Картье-Брессона Эндре был анархистом, который относился ко всем одинаково и был замечательно романтичным «игроком»³³, но не фотографом с выдающимся интеллектом. «Прежде чем я встретил Эндре и Чима, – вспоминал Картье-Брессон, – я больше общался с писателями и художниками, чем с фотографами... [Эндре] не был изначально человеком видения, он был авантюристом с огромной жадой жизни. Фотография не была для него главным занятием, главным было то, что он хотел высказать, вся его личность. Чим был философом, шахматистом и совершенно нерелигиозным человеком, который, однако, нес на себе бремя еврейства; в нем была какая-то печаль»³⁴.

Двое из этой троицы, Эндре и Чим, стали по-настоящему близкими друзьями: их объединяли восточноевропейская чувствительность и опыт столкновений с антисемитизмом. Судьба европейского еврейства уже была начертана на стенах Парижа, как раньше в Берлине и Будапеште: антисемитские избирательные плакаты, наклеенные фашистами, обезображенные станции метро и другие общественные места... Вскоре трое этих фотографов блестяще задокументировали социальную и экономическую борьбу во Франции в тот момент, когда в середине 1930-х страна переходила от одного политического кризиса к другому. В мастерски написанной книге Юджина Вебера «The Hollow Years: France in the 1930s» («Святые годы: Франция в 1930-е») сочетание снимков, сделанных этими тремя фотографами, дает яркую картину обреченной Третьей Республики.

Вскоре к этой группе амбициозных политизированных фотографов присоединился еще один беженец – немецкий художник и график Пьер Гассман³⁵. «С того момента, как я встретил [Эндре], и до его гибели с ним всегда было очень весело. Ему всегда было очень важно жить в настоящий момент, он был полностью увлечен жизнью – особенно едой, вином и женщинами. Это был очень инстинктивный, очень естественный фотограф. Он хотел показать людям то, чего они никогда не видели. Он хотел поражать и удивлять»³⁶. Скоро Гассман стал проявлять отпечатки для Чима, Эндре и Картье-Брессона. Делал он это в биде, которое стояло в его квартире.

Вскоре после того, как Эндре завел себе новых друзей, в Париж приехал Симон Гутман. Он нашел Эндре через свои контакты в венгерской общине и предложил ему работу: делать рекламные снимки для брошюры одной швейцарской компании, занимавшейся страхованием жизни³⁷. Для одной из фотографий ему нужно будет найти красивую молодую блондинку и сфотографировать ее в местном парке.

Эндре хорошо знал, где можно найти вероятных кандидатов: в кафе на Левом берегу! Он провел в них последние месяцы, потягивая вино за несколько сантимов и размышляя о том, как заработать достаточно денег, чтобы забрать из ломбарда свою фотокамеру. В один прекрасный день в ходе поисков он встретил эмигрантку из Швейцарии Рут Серф; она выгля-

---

Robert Capa. – Paris: Pantheon Photo Library, 1988).

³³ Слова Анри Картье-Брессона, отправленные автору вместе с разрешением цитировать их в полном объеме.

³⁴ Cartier-Bresson Henri. The Decisive Moment. – Magnum Photos, 1952.

³⁵ Несмотря на то что Гассман работал со многими великими фотографами XX столетия, в его гостиной висела только одна фотография. На снимке, сделанном в 1952 году, изображен широко улыбающийся Эндре. 38-летнему фотографу оставалось жить еще два года... Гассман же на момент написания книги был владельцем знаменитой парижской полиграфической лаборатории Picto.

³⁶ Интервью Пьера Гассмана с автором.

³⁷ Whelan Richard. Robert Capa: A biography. – New York: Knopf, 1985.

дела потрясающе. Позднее Рут вспоминала, что, когда они разговаривали, Эндре попросил ее попозировать ему в парке Монпарнаса. «[Он] был похож на бродягу. Он сказал, что ищет модель. Я согласилась на эту фотосессию, но опасалась оставаться с ним наедине, поэтому решила взять с собой подругу».

Она приехала в парк вместе со своей соседкой по квартире Гердой Похориле: миниатюрной (155 см) энергичной рыжей девушкой с короткой стрижкой и сверкающими зелеными глазами. Вскоре Герда изменила всю жизнь Эндре¹. Как и Серф, она считала его довольно грубым, но вместе с тем очень симпатичным и харизматичным. Герда родилась 1 августа 1911 года в Штутгарте, в интеллигентной семье, и теперь тоже бежала от фашизма. В последние годы Веймарской республики она посещала коммерческое училище, где изучала секретарское дело. Вызвав ярость своей богатой тети, Герда закрутила роман с солидным 35-летним торговцем хлопком Хансом Ботэ. Впрочем, это увлечение длилось лишь несколько недель, после чего Герда влюбилась в студента-медика Георга Кавиткеса, приехавшего из России. Он познакомил ее с большевизмом.

Ко времени прихода к власти Гитлера, в 1933 году, Герда уже была активным членом коммунистических организаций, по ночам распространяла антифашистские листовки и расклеивала на стенах манифесты левых. В письме к одному другу она даже утверждала, что нацисты могут забить ее до смерти. 19 марта 1933 года нацисты арестовали ее по подозрению в причастности к большевистскому заговору против Гитлера. При обыске в спальне девушки было найдено ее письмо, адресованное Георгу, в котором упоминалось слово «коммунизм». К счастью, ей удалось убедить следователей, что она просто глупая молодая женщина без каких-либо политических убеждений... Кончилось дело тем, что в августе она с польским паспортом въехала во Францию и направилась в Париж. Здесь она получила поддержку от нескольких коммунистических организаций, которые обеспечивали политэмигрантов едой и жильем. В одной из таких организаций и работала Рут Серф. Девушки стали на пару снимать квартиру, которая была настолько холодной, что зимними вечерами им приходилось жаться друг к другу, чтобы согреться³⁸.

Вскоре после встречи с Гердой Эндре раздобыл в Café du Dme клочок бумаги и написал матери короткую записку. В ней он объяснил, что Симон Гутман снова пришел ему на помощь и нашел для него первое задание за рубежом – он едет в Испанию! Взволнованный Эндре не подозревал, что Гутман договорился продать новые материалы журналу *Berliner Illustrierte Zeitung*, в котором имели омерзительную привычку печатать на обложке эффектные фотографии нацистов³⁹.

Испания захватила Эндре с того самого момента, как он перешел французскую границу и оказался в Сан-Себастьяне. Страна имела много общего с Венгрией – от влияния ислама до кухни, от распространенности цыганского фольклора до экспрессивности культуры. Иными словами, Испания оказалась для него домом вне дома, страной, чью душу Эндре мгновенно понял и чья динамичность взволновала его до глубины души.

Первое задание состояло в том, чтобы сделать фоторепортаж о боксере Паолино Узкудуне, который 7 июля 1935 года в Берлине должен был сразиться с чемпионом Германии в тяжелом весе Максом Шмелингом. Фотографии Эндре показывают гораздо более достойный, но более жесткий спорт, чем те разъеденные коррупцией кулачные бои, которые мы видим по телевизору сегодня⁴⁰. Следующей остановкой в путешествии Эндре был Мадрид, где он фотографировал отчаянного смельчака – подполковника Эмилио Эрреру рядом с воздушным шаром особой конструкции. Как сообщал журнал *Vu*, Эррера планировал побить мировой

---

³⁸ Schaber Irme. Gerta Taro: Fotoreporterin im Span. Bürgerkrieg: Eine Biografie. – Marburg: Jonas, 1995.

³⁹ Whelan Richard. Robert Capa: A biography. – New York: Knopf, 1985.

⁴⁰ Berliner Illustrierte Zeitung. – 1935. – 20 June.

рекорд высоты подъема на воздушном шаре⁴¹. А 14 апреля Эндре стал свидетелем парада в честь четвертой годовщины Испанской Республики – хрупкого эксперимента в области демократии. Затем он отправился в Севилью на Страстную неделю, самый шумный и экзотический праздник в испанском религиозном календаре.

Цыгана, скрывавшегося в Эндре, невероятно взволновали образы, которые мелькали в его видоискателе: шестьдесят четыре огромные фигуры, собранные в процессию длиной несколько километров, которая шествовала по городу⁴². Сеньориты с голубыми глазами среди гуляющей публики. Танцоры фламенко с шелковыми плащами. Пышно разодетые тореро и персонажи шествий в костюмах, напоминающих одеяния инквизиторов и членов Ку-клукс-клана. Фейерверки, которые полыхали всю ночь до рассвета над впечатляющими религиозными шествиями, прорезавшими узкие улочки древнего города. В письме к Герде в Париж Эндре в ярких подробностях описал все эти сцены, не преминув добавить, что он, как и все горожане, пил всю ночь напролет. Заканчивалось письмо, написанное по-немецки, грамматически неправильной фразой о том, что он часто думает о ней⁴³.

Получив гонорар за два репортажа, Эндре наконец смог устроить долгожданный праздник. Летом он вместе с Гердой, студентом-медиком Вилли Чардаком и другим своим другом Раймондом Гориным уехал на остров Сент-Маргерит у Лазурного берега Франции. Вскоре Эндре и Герда стали неразлучны. «Они полюбили друг друга на юге Франции», – вспоминала Рут Серф.

Герда задумалась. Бог дал Эндре огромный потенциал, но он был слишком недисциплинированным, слишком богемным и беззаботным человеком, часто казался высокомерным. По словам Рут Серф, Герда также считала Эндре «бабником и искателем приключений». Но, может быть, его обаяние и смелость вкупе с профессиональным отношением к работе спасут их от нищеты? Она с удовольствием заметила, что Эндре не возражал, когда она говорила, что ему не стоит столько пить и вообще надо подтянуться. При этом нельзя сказать, что Герда задыхалась от своей привязанности к Эндре; она так же свободно проявляла свою сексуальность, как в Париже демонстрировала свое положение «женщины другого круга» – немецкой еврейки⁴⁴. Он начал называть ее «боссом»⁴⁵, несколько дней учил, как обращаться с «Лейкой», и даже проявил несколько ее первых фотографий. Вскоре они поселились в маленькой квартирке неподалеку от Эйфелевой башни.

«Наверное, без Герды Эндре не стал бы тем, кем он стал, – считает Эва Бешнё. – Она подняла его, дала ему направление... Он никогда не хотел жить обычной жизнью, поэтому, когда дела шли плохо, он пил и играл в азартные игры. Когда они встретились, он шел по плохому пути. Думаю, без нее он бы быстро и плохо кончил».

Осенью в письме к матери Эндре сообщил, что нашел для Герды работу – это была продажа фотографий для нового агентства Alliance, которым управляла чрезвычайно эффективная и красивая женщина по имени Мария Эйснер⁴⁶. Сам Эндре в это время получил должность «приходящего» фоторедактора в ежемесячном японском журнале, который выпускало издательство Mainichi Press⁴⁷.

---

⁴¹ Там же.

⁴² World Illustrated. – 1936. – 14 april.

⁴³ Schaber Irme. Gerta Taro: Fotoreporterin im Span. Bürgerkrieg: Eine Biografie. – Marburg: Jonas, 1995.

⁴⁴ Рут Серф рассказывала, что однажды Герда предстала перед друзьями Эндре в обнаженном виде и вообще в течение своей короткой жизни была далеко не моногамной. «Для Герды мужчины были несколько... одноразовыми, – отмечала Серф. – Она не была феминисткой, а в фаворитах у нее всегда ходили богатые люди».

⁴⁵ Schaber Irme. Gerta Taro: Fotoreporterin im Span. Bürgerkrieg: Eine Biografie. – Marburg: Jonas, 1995.

⁴⁶ Whelan Richard. Robert Capa: A biography. – New York: Knopf, 1985.

⁴⁷ В других письмах к матери того времени он рассказывал, что сейчас его больше интересует кинопроизводство, чем фотография. Многие другие фотографы его круга, в том числе Картье-Брессон, также работали в кинематографе. После отъезда из Будапешта Эндре стал страстным поклонником французского кино. В этом он был не одинок – новый вид искусства

Примерно в это же время Юлия сообщила Эндре, что собирается навестить сестер, переехавших в Нью-Йорк. При этом она, похоже, не сказала ему, что развелась с мужем. По словам одного из родственников Эндре, выживших в войне, азартные игры, к которым пристрастился Дежё, наконец добились семейный бизнес, а вместе с ним и брак Фридманов. Через год, по свидетельству этого родственника, Дежё сыграл свою последнюю партию, в которой, как выразилась Рут Серфф, «он и проиграл свою жизнь».

Еще до того, как Дежё, видимо, покончил жизнь самоубийством, к Эндре в Париже присоединился его младший брат Корнелл. Он надеялся стать врачом, но пока, не зная французского, начал проявлять фотографии Эндре, а затем и снимки Чима и Картье-Брессона. В конце концов он превратил ванную своего гостиничного номера в фотолабораторию. «Это было на улице Вавен, в небольшом отеле, окна которого выходили на Café du Dme. Моя комната была на верхнем этаже, и, высунув голову из слухового окна, я мог видеть Dme, в котором встречались и пили кофе едва ли не все фотографы, художники, иностранцы, философы и простые парижане того времени»⁴⁸.

В апреле 1936 года Эндре написал матери (снова на листе бумаги из кафе Dme), что в его жизни произошел новый и неожиданный поворот: из бездомного бродяги он превратился в уважаемого буржуа. Это превращение, произошедшее благодаря Герде, и близко не было религиозным преобразованием или обращением к иудаизму. Тем не менее он принял новое имя, соответствующее его новому статусу⁴⁹.

О том, как именно Эндре Фридман превратился в Роберта Капу, рассказал в 1947 году Джон Херси⁵⁰. «Эндре и Герда решили создать ассоциацию из трех человек. Герда, работавшая в фотоагентстве, должна была выполнять функции секретаря и торгового представителя; Эндре выступал как сотрудник, проявлявший в фотолаборатории снимки заезжей знаменитости. Наконец, эти двое должны были играть роль наемных рабочих у некоего богатого, знаменитого и талантливого (воображаемого) американского фотографа по имени Роберт Капа, который сейчас якобы находится во Франции»⁵¹.

В том же 1947 году Роберт Капа сам объяснил в интервью по радио, как он пришел к идее сменить имя:

– Мое тогдашнее имя немного отличалось от сегодняшнего «Боб Капа». Настоящее мое имя было не слишком удачным. Тогда я был таким же глупым, как и сейчас, но только моложе. И я не мог получить работу. Мне очень нужно было новое имя.

– А как вас звали?

– О, это трудно выговорить, там все начиналось с Эндре и заканчивалось Фридманом, и эти двое висели на краях и мне не нравились.

– Ну ладно.

– В общем, я задумался над новым именем... «Роберт» – это звучит очень по-американски, как и должно звучать. «Капа» тоже звучит по-американски, и это слово легко произносить. Так что Боб Капа – вполне подходящее

увлек всю Францию. Доля кино в доходах от развлечений в Париже выросла с 40 % в 1929 году до поразительных 72 % в 1939-м. В мае 1940 года, когда немецкие танки пошли по кукурузным полям Северной Франции, в кинотеатрах Парижа побывало более трех миллионов зрителей (*Weber Eugen. The Hollow Years, France in the 1930s.* – New York: Norton, 1994).

⁴⁸ Корнелл Капа, интервью. См. *Loengard John. Life Photographers: What They Saw.* – New York: Bullfinch Press, 1998.

⁴⁹ *Whelan Richard. Robert Capa: A biography.* – New York: Knopf, 1985.

⁵⁰ *John Hersey. The Man Who Invented Himself.* Из рецензии на книгу Капы «*Slightly Out of Focus*» («Немного не в фокусе», в русском переводе – «Скрытая перспектива», 1947).

⁵¹ Примерно в то же время Герда тоже изменила фамилию с непроизносимой Poganyles на более легкую – Taro. Считается, что ее вдохновило на это имя популярного в то время в Париже японского художника Таро Окамото. Во всяком случае, фамилия «Таро» была такой же короткой и хлесткой, как «Капа».

имя. А потом я решил, что Боб Капа должен быть известным американским фотографом. Он приехал в Европу, и он не хочет беспокоить французских редакторов, потому что они мало платят... Так что я просто взял свою маленькую «Лейку», сделал несколько снимков, написал на них «Боб Капа», и они продались по двойной цене⁵².

Некоторые высказывали предположение, что Капа назвал себя в честь Фрэнка Капры, уже тогда известного режиссера, автора таких популярных фильмов, как «Платиновая блондинка» (1931) и «Американское безумие» (1932). Но откуда взялось имя Роберт? Ветеран венгерской фотожурналистики Эва Келети, которая организовала первую выставку фотографий Капы на родине в 1976 году, считает, что знает ответ на этот вопрос. Сидя в одном из своих любимых будапештских ресторанов, она записала в блокноте: «Эндре – Банди – Боб». «Когда он был маленьким мальчиком и жил в Будапеште, – рассказала мне она, – его называли Банди. А от Банди недалеко уже и до Боба и Роберта».

По словам Херси, уже к началу лета 1936 года Капа вжился в свой новый образ. По рекомендации Герды он сделал новую стрижку (коротко остриг волосы на затылке и по бокам) и даже стал носить приличные пальто и шляпу. По иронии судьбы, тем летом среди молодых радикалов внезапно стали популярны не такие «буржуазные одеяния», а синие комбинезоны и фартуки *les ouvriers* – рабочих. В воскресенье 3 мая 1936 года на выборах победило коалиционное левое движение, получившее название *Front Populaire*, Народный фронт⁵³.

Через одного из своих знакомых, венгерского эмигранта Андре Кертеса, Капа узнал о вакансиях, которые открылись в журнале *Vi*, влиятельном издании, стоявшем на стороне Народного фронта. Платили в *Vi* не очень хорошо, но журнал отчаянно нуждался в фотографах⁵⁴. Впечатленные снимками Троцкого, которые сделал Эндре, редактор Люсьен Фогель поручил ему освещать политические события в Париже. Многие фотографии Эндре, сделанные в тот период, часто были нерезкими и композиционно неудачными, но в них, несомненно, улавливалось пьянящее победное настроение этого времениⁱⁱ.

Пытаясь умиротворить рабочих, премьер Леон Блюм объявил о «новой договоренности» между профсоюзами и владельцами предприятий – 12-процентное повышение зарплаты, сорокачасовая рабочая неделя, ежегодный двухнедельный оплачиваемый отпуск и коллективные договоры. Рабочая Франция была вне себя от радости. Женщины танцевали друг с другом на фабриках, в Париже над министерствами развевались красные флаги... Наконец-то силы международного фашизма получают отпор! Единый фронт прогрессивно настроенных людей обязательно остановит Гитлера и Муссолини!

Капа с растущим интересом фотографировал выступления Народного фронта, и, как остроумно заметил Херси, забастовки и гражданские беспорядки, связанные с растущей новой партией, «дали возможность несуществующему американцу и его ассистентке [Герде] делать потрясающие фотографии»⁵⁵. В течение нескольких недель, по утверждению Херси, в Париже имело место «своего рода увлечение Капой». Эндре и Герда начали зарабатывать фотографиями себе на жизнь. Казалось, между ними сложились идеальные отношения, потому что «Капа

---

⁵² Радиоинтервью, WNBC (N.Y.), 20 октября 1947 года.

⁵³ Хотя эта победа порадовала Капу, она не успокоила недовольных французских рабочих: в июне 1936 года, уже при антифашистском правительстве, в стране состоялось 12 142 забастовки, в которых приняли участие почти два миллиона человек.

⁵⁴ *Vi* был одним из самых влиятельных журналов своего времени. В тематическом апрельском выпуске 1932 года, названном «Немецкая загадка», на 125 страницах журнала насчитывалось 438 фотографий. Многие из этих снимков были представлены гутмановским агентством Dephot.

⁵⁵ *John Hersey. The Man Who Invented Himself. Из рецензии на книгу Капы «Slightly Out of Focus» («Немного не в фокусе», в русском переводе – «Скрытая перспектива», 1947).*

любил Герду, Герда любила Эндре, Эндре любил Капу, а Капа любил Капу»⁵⁶. Когда Эндре не мог сделать хорошие фотографии с последних акций протеста или столкновений, Герда умело его прикрывала: «Этот ублюдок снова смылся на Лазурный берег, – говорила она, – с какой-то актрисой». «Таким образом, – продолжал Херси, – Фридман делал снимки, Герда их продавала, а все деньги уходили несуществующему Капе. Поскольку этот Капа считался очень богатым, Герда отказалась продавать его фотографии в любую французскую газету менее чем по 150 франков за штуку, что втрое превышало обычную цену».

В конце июня 1936 года Капа освещал работу Ассамблеи Лиги Наций в Женеве, на которой бывший император Эфиопии Хайле Селассие произнес страстную речь против Муссолини. Несколько итальянских корреспондентов, лояльных Муссолини, громкими криками перебивали Селассие, и в конце концов между фашистскими писателями Дуче и левыми журналистами, в числе которых был один испанец, вспыхнула драка. Швейцарские полицейские вывели итальянцев, а испанца выбросили на улицу. Эндре, который снаружи ожидал развязки этой истории, сумел сделать несколько снимков полицейских, пытавшихся заткнуть рот протестующему испанцу⁵⁷.

По воспоминаниям Джона Херси, когда фотографии Эндре, подписанные «Роберт Капа», оказались на столе Люсьена Фогеля, он позвонил агенту «известного американского фотографа». Трубку сняла Герда. «Господин Капа говорит, что фотография, сделанная в Женеве, будет стоить 300 франков», – сказала она Фогелю. «Все, что вы рассказываете о Роберте Капе, – это очень интересно, – ответил Фогель, – но, пожалуйста, сообщите этому нелепому парню Фридману, который отправляется снимать дипломатов в грязной кожаной куртке, чтобы завтра он зашел ко мне в офис в девять утра»⁵⁸. С очевидностью, Фогель заметил Капу в Женеве.

Правда, Томас Гюнтер, один из главных авторитетов в агентстве Alliance, утверждает, что Эндре поймали с поличным в другой раз. Герда рассказала Марии Эйснер, что натолкнулась на замечательные снимки человека по имени Капа – превосходного, но очень дорогого фотографа. Случилось так, что, когда Эндре зашел в агентство, Эйснер рассматривала работу этого «самого дорогого американского фотографа». По словам Гюнтера, у Марии был такой наметанный взгляд, что она сразу же узнала в этой работе почерк Эндре Фридмана. Она позвала его в свой кабинет, прежде чем смущенная Герда успела сказать, что это действительно были фотографии Эндре. Впрочем, как оказалось, Эйснер была достаточно впечатлена его работой вне зависимости от подписи на снимке и предложила ему перейти в ее агентство на оклад 1 100 франков в месяц при условии сдачи трех репортажей в неделю. Это было меньше, чем получала Герда, но в конце концов на эти деньги он мог позволить себе регулярное питаниеⁱⁱⁱ.

В начале июля 1936 года Эйснер отправила Капу в Верден, чтобы он запечатлел двадцатую годовщину одной из самых кровавых битв Первой мировой войны. Пейзажи вокруг Вердена по-прежнему навязчиво напоминали о бойне, в которой погибло 1,4 миллиона французов, а еще 1,1 миллиона было искалечено. Даже двадцать лет спустя обширные районы оставались безлюдными – здесь были только черные деревья и воронки, заполненные затхлой водой.

Одна из фотографий Капы показывает военное кладбище в Вердене, освещенное сотнями прожекторов. Ветераны торжественно выстроились за надгробными плитами своих убитых товарищей. Как и многие французские ветераны, они по-прежнему считали своих офицеров идиотами, а войну на истощение – безумным упражнением в кровопускании для Франции. Колонна оставшихся в живых ветеранов отказалась пройти строевым шагом, чем показала отвращение к тем, кто заставил страдать их поколение. Многие стали яркими пацифистами. Никто не хотел новой войны.

---

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ *Vii.* – 1936. – 8 July.

⁵⁸ Там же.

Но такая война выглядела все более вероятной. 3 октября 1935 года Муссолини плюнул в лицо Лиге Наций, созданной после Первой мировой войны для того, чтобы сохранить мир: Дуче вторгся в Эфиопию. В марте 1936 года парадным шагом немецкие войска вошли в Рейнскую область, нарушив Версальский мирный договор. От этого шага Франция содрогнулась.

Капа вернулся из Вердена в Париж, чтобы осветить празднование Дня взятия Бастилии – 14 июля. Неделю спустя он листал одну из газет, для которых работал, и прочитал о восстании против правительства Народного фронта. Дело происходило за рубежом. Маленькому толстяку – генералу Франко – помогали Гитлер и Муссолини. Франко прибыл 19 июля в Кадис во главе «мавров» – легионеров испанского Иностранного легиона. Он и его товарищи – марокканские мятежники – задумали свергнуть демократию в Испании. «Силы, которые мы затратим [на свержение законной власти], – предостерегал Франко избранное правительство Испании, – будут пропорциональны сопротивлению, которое вы окажете. Мы особо призываем вас избегать бесполезного кровопролития».

4. Война страстей

Гражданская война в Испании была самым счастливым временем в нашей жизни. Да, мы на самом деле были счастливы, потому что, когда гибли люди, нам казалось, что их смерть оправданна и важна. Ведь они умирали за то, во что верили и что должно было случиться.
*Эрнест Хемингуэй*⁵⁹

Гражданская война в Испании дала Капе первый шанс сразиться в окопах с тоталитаризмом самым мощным оружием, которое у него было, – фотокамерой Leica. По словам журналистки Марты Геллхорн, «Испания стала для всех свободных людей местом борьбы с Гитлером, нацистами и разлагающими идеями, которые подхватили гитлеровские последователи. [Капа] не собирался воевать, он никогда не держал в руках винтовку. Но он хотел фотографировать так, чтобы все увидели, как нужно биться»⁶⁰.

Как только Капа и Герда услышали о мятеже Франко, они решили вместе отправиться в Испанию. Освещение Капой действий Народного фронта сделало его имя известным в изданиях, симпатизировавших республиканцам, в частности в *Ce Soir*, *Vu* и *Regards*. Капа решил, что в этих условиях получить задание на съемки в Испании будет не так уж трудно, и быстро связался с редакторами этих изданий.

Отправить Капу и Герду в Испанию согласился Люсьен Фогель из журнала *Vu*. Он арендовал небольшой самолет до Барселоны и сам полетел с ними, чтобы собрать материал для специального выпуска своего журнала, посвященного гражданской войне. В начале августа, не обращая внимания на возражения матери, Капа с Гердой, Фогелем и другими журналистами вылетел в Испанию. Полет с самого начала не заладился. Когда журналисты пересекли Пиренеи, их самолет внезапно потерял высоту, упал на поле вблизи Барселоны и развалился⁶¹. Удивительно, что обошлось без жертв; Капа и Герда выбрались из-под обломков потрясенными, но невредимыми. В это же время в ста километрах к югу от Барселоны, в порту Кадис, совершила посадку первая партия самолетов, с которых на испанскую землю высадились нацисты.

Капа и Герда добрались до окраин Барселоны поздно вечером 5 августа. Крушение было вскоре забыто: в сумасшедшей атмосфере столицы Каталонии, а затем в муках анархистской революции было не до него. На одной из улиц Капа и Герда обнаружили несколько пар одетых в синие рабочие комбинезоны анархистов, которые наслаждались полуденным солнцем. Они радовались внезапной передаче величественных зданий и учреждений Барселоны «трудящимся массам». Большинство владельцев фабрик либо бежали из города, либо разделили судьбу тысяч монахинь, монахов и священников, которых республиканцы уничтожили в первые месяцы войны.

В 1959 году немецкий писатель Густав Реглер поделился яркими воспоминаниями об этих первых пьянящих днях анархистского восстания против Франко: «В людях был дух опьянения, заразное стремление к жертвоприношению, горячая вера в свободу... Судя по их внешнему виду, милиционеры-антифашисты вышли на улицы еще во времена Великой французской революции... Несомненно, многие из актов насилия в первые дни войны были вызваны бессознательным подражанием санкюлотам»⁶².

---

⁵⁹ Предисловие к книге Густава Реглера «Под перекрестным огнем» (Regler Gustav. Great Crusade. – New York, 1940).

⁶⁰ Gellhorn Martha. Till Death Do Us Part, Two by Two. – Simon and Schuster, 1958.

⁶¹ Schaber Irme. Gerta Taro: Fotoreporterin im Span. Bürgerkrieg: Eine Biografie. – Marburg: Jonas, 1995.

⁶² Regler Gustav. The Owl of Minerva. – London: R. Hart-Davis, 1959.

Наверное, первым, с кем познакомился Капа в Барселоне, был Жауме Миравитлье, 28-летний генеральный секретарь Каталонской левой республиканской партии «Эскерра». Миравитлье вспоминал, что помогал Капе и Герде получать разрешения на фотографирование в Барселоне и официальные удостоверения французских журналистов. Он также четко помнил, что Капа был опьянен атмосферой разгула анархизма. Это антиавторитарное, декадентское отрицание всех традиций, буржуазных правил, законов и моральных кодексов произвело неизгладимое впечатление на молодого фотографа⁶³.

Капа и Герда обошли несколько банков и дорогих отелей, захваченных пестрыми отрядами антифранкистов. Так, анархистский союз CNT FAI разместил свой хаотичный лагерь вдоль улицы Calle Layetana, которую вскоре переименовали в Via Durruti, улицу Дуррити, в честь анархиста Буэновентуры Дуррити, погибшего при обороне Мадрида. Троцкистская Рабочая партия марксистского единства (POUM) устроила свою базу в отеле Falcon, недалеко от площади Каталонии. На одной площади Капа и Герда натолкнулись на отряд, состоящий из одних женщин. Герда увидела в них модели поведения, а Капа – свой первый продаваемый испанский репортаж. Он предвидел, что фотографии этих амазонок с лицами, словно выточенными из слоновой кости, длинными локонами и новыми обтягивающими рейтузами, появятся на обложках французских и английских журналов. Они долго снимали одну особенно красивую воительницу: она сидела на террасе кафе, зажав винтовку между колен, и была поглощена чтением женского журнала...

На центральном железнодорожном вокзале Барселоны Капа и Герда видели, как тысячи ликующих людей уходят сражаться с мятежниками на Арагонском фронте. Ни на одном из их снимков не видно обычных мучительных прощаний и расставаний. Вместо этого – безграничный оптимизм рабочего класса Барселоны, уходящего на фронт, чтобы там бить печально известных «мавров» генерала Франко. На одном вагоне кто-то написал белой краской: «Jurad sobre estas letras hermanos: antes morir que consentir tiranos» – «Такими словами клянемся, братья: лучше умереть, чем покориться тиранам!» Большинство этих молодых людей, которые с энтузиазмом высовываются из окон и поднимают кулаки в республиканском приветствии, больше никогда не увидят Барселону...

В конце августа Капа и Герда проехали более 240 километров до ближайшей линии фронта, которая проходила вблизи Уэски, города в Пиренеях на полпути между Средиземным и Атлантическим побережьями. Но в этот момент на фронте не было никаких боевых действий. Надеясь запечатлеть первую победу республиканцев, они двинулись дальше на юг. Их интерес поддерживали известия о сотнях немецких коммунистов, которые служат в милиции POUM за несколько миль от города. В Лесиньене, к северо-востоку от Сарагосы, Капа и Герда ненадолго примкнули к тому самому отряду, в котором позже провел зиму Джордж Оруэлл. (Потом его ранили, и разочарованный и озлобленный Оруэлл весной 1937 года покинул Испанию⁶⁴.)

Их снова ждало разочарование. Пестрый «личный состав» подразделения в большинстве своем носил разномастные головные уборы, был вооружен какими-то древними ружьями, а главное, слонялся без дела. Потом они узнали, что республиканское правительство в Мадриде запланировало первую крупную атаку на силы Франко – она должна была произойти в Кордове⁶⁵. В начале сентября они снова отправились в глубь Испании с твердым желанием снять настоящий бой и первое поражение фашизма.

---

⁶³ Капа был одним из многих молодых идеалистов, включая Джорджа Оруэлла и Андре Мальро, которым Гражданская война дала самый важный жизненный опыт. Для тысяч других молодых мужчин и женщин во всем мире, которые вызвались бороться с Франко, война также символизировала линию фронта в идеологической битве против тоталитаризма. Им казалось, что если Франко победит демократию в Испании, то останется мало надежд на то, что фашизм можно будет остановить в другом месте.

⁶⁴ Schaber Irme. Gerta Taro: Fotoreporterin im Span. Bürgerkrieg: Eine Biografie. – Marburg: Jonas, 1995.

⁶⁵ В ходе войны сторонники Франко развязали братоубийственный террор. Почти каждый город, захваченный мятежни-

По дороге они остановились в Толедо. Здесь в течение нескольких недель республиканцы осаждали знаменитый Алькасар – возвышавшуюся в центре города крепость, в которой засели полковник Москардо и сотни его соратников. Мятежникам удалось отразить несколько штурмов. Республиканцы рассказали Капе и Герде, что они собираются взорвать крепость динамитом, но на подрывные работы потребуется еще по крайней мере две недели. Узнав об этом, пара не стала ждать и быстро двинулась дальше на юг, в направлении Кордовы. Наконец в окрестностях небольшой деревни под названием Серро Муриано два фотографа нашли то действие, которое искали⁶⁶.

Утром 5 сентября фашисты бомбили Серро Муриано. В тот день Капа и Герда сделали несколько снимков охваченных ужасом жителей, бегущих прочь из деревни. Генерал Кейпо де Льяно рассказывал по радио, что скоро мятежники войдут в деревню и изнасилуют «всех женщин у этих красных»⁶⁷. В этом же районе находился немецкий писатель Франц Боркенау, который позже в своей книге *The Spanish Cockpit* («Испанская арена», 1937) писал, что, когда он прибыл в деревню, «вся она бежала; мужчины, женщины и дети; пешком, на ослах, на машинах и на грузовиках». Особенно встревожило Боркенау то, что многие солдаты анархистской милиции CNT тоже «драпали, как последние трусы». «Куда нам с винтовками против бомб и снарядов?!» – кричали некоторые из них.

Когда Боркенау добрался до Серро Муриано, он обнаружил, что все дома брошены, двери заперты, а по улицам бродит оставленный скот. У линии фронта он увидел «трех-четырех» погибших. Позже в тот же день он встретил еще немало дезертиров. Исключение составил «небольшой отряд ополченцев из города Алькой... Они выдержали бомбардировку... с величайшей отвагой и выдержкой... Впрочем, и в этом случае дисциплина почти полностью отсутствовала»⁶⁸.

Считается, что именно в этот день Капа присоединился к ополченцам из города Алькой в окопах на линии фронта, а затем чудесным образом сделал самую известную фотографию за все время Гражданской войны в Испании – «Смерть республиканца». На ней запечатлен боец республиканской милиции из Алькоя через миг после того, как он встретил свою смерть.

ками, становился свидетелем множества публичных казней.

⁶⁶ *Whelan Richard*. Robert Capa: A biography. – New York: Knopf, 1985.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ *Borkenau Franz*. *The Spanish Cockpit*. – London: Faber and Faber, 1937.

5. «Смерть республиканца»

Чтобы снимать в Испании, не нужны никакие трюки. Не нужно наводить камеру. Фото уже есть, их просто надо взять. Правда – вот лучшая фотография, лучшая пропаганда.

Роберт Капа, интервью New York World-Telegram, 2 сентября 1937 года

«Смерть республиканца» – самый спорный снимок в истории фотожурналистики. Подвергать сомнению его подлинность – значит испытать на себе ярость 83-летнего Корнелла Капы, правопреемника брата, который потратил много лет на защиту его легенды. Ричард Уилан, которого Корнелл избрал биографом своего брата, назвал «Смерть республиканца»⁶⁹ «может быть, самой великой военной фотографией в истории»⁷⁰. Эсперанса Агирре Хиль де Биедма, которая в середине 1990-х годов была министром образования и культуры Испании, назвала запечатленный на фотографии образ «универсальным... такой визуальной силы, что она [фотография] находится на одном уровне с “Герникой” Пикассо»⁷¹.

Впрочем, самая известная фотография Капы вполне может просто соответствовать своему названию The Falling Soldier («Падающий солдат») – и не более того⁷². Так, известный французский кинодокументалист Патрик Жёди считает, что именно так дело и обстоит. В своем парижском офисе он показал мне неизвестную публике киносъемку Капы во время Гражданской войны в Испании, на которой человек, бегущий по склону, теряет равновесие. Если остановить пленку, то один из ее кадров становится очень похож на знаменитую фотографию Капы. Как утверждает Жёди, только по существующей фотографии Капы невозможно узнать, поскользнулся ли солдат случайно, был убит или его попросили имитировать момент смерти.

Жёди – лишь один из многих кинематографистов, историков и фотографов (все они – ярые поклонники работ Капы), у которых есть сомнения касательно этой фотографии. По словам фотографа и бывшего архивиста агентства Magnum Джимми Фокса, эти сомнения не должны отвлекать людей от общего восприятия работы Капы, которая, несомненно, является самым запоминающимся фотографическим документом тех бурных лет XX века. Но сам же Фокс ставит свои слова под сомнение, когда рассказывает о «странностях» единственного современного исследования обстоятельств, при которых Капа сделал этот снимок:

Я помню, как заговорил с Корнеллом об этом солдате, убитом во время Гражданской войны в Испании, когда Корнелл несколько лет назад попросил меня поехать в Испанию, чтобы встретиться с недавно найденной семьей [человека, который якобы был изображен на фотографии Капы]. Мне показалось странным одно обстоятельство. Капа вернулся в [Нью-Йорк] морем примерно через шесть месяцев после того, как эта фотография была опубликована в журнале *Life*. У него было интервью с журналистом, в котором он объяснил, что провел с этим человеком несколько дней и был с ним рядом

---

⁶⁹ Оригинальное название – The Falling Soldier, то есть «Гибель солдата», полностью – Loyalist Militiaman at the Moment of Death, Cerro Muriano, September 5, 1936. – *Прим. пер.*

⁷⁰ Heart of Spain – Robert Capa’s photographs of the Spanish Civil War. – New York: Aperture, 1999.

⁷¹ Heart of Spain – Robert Capa’s photographs of the Spanish Civil War. – New York: Aperture, 1999.

⁷² Фотография «Смерть республиканца» преследовала Капу так же, как Эдди Адамса преследовал его знаменитый снимок 1968 года, на котором запечатлен расстрел человека во время войны во Вьетнаме.

в момент его смерти, а потом он оставался у тела до темноты и отошел под вражеским огнем⁷³.

Журналист, о котором идет речь, работал в издании *New York World-Telegram*. Капа в интервью ему 1 сентября 1937 года в Нью-Йорке рассказал, как он сделал эту сенсационную фотографию. Вот что сообщалось в газете:

[Капа и солдат] находились на фронте у Кордовы и застряли на позиции: Капа со своей дорогой камерой и солдат с винтовкой. Солдат был нетерпелив. Он хотел вернуться к лоялистам. Раз за разом солдат поднимался, выглядывал из-за мешков с песком и снова возвращался на место при первых выстрелах пулемета. Наконец солдат пробормотал что-то насчет того, что у него есть хороший шанс.

Он вылез из траншеи. Капа двигался позади него. Внезапно загрохотал пулемет, Капа машинально щелкнул затвором камеры и упал назад рядом с телом своего спутника. Спустя два часа, когда стемнело, но перестрелка продолжалась, фотограф отполз по изрытой воронками земле в безопасное место. Позже он обнаружил, что сделал один из лучших снимков испанской войны⁷⁴.

Капа был известен тем, что на протяжении всей своей карьеры не указывал в подписях к фотографиям имена тех, кого снимал. Тем не менее Фокс удивился тому, что Капа провел несколько дней рядом с солдатом в его подразделении и даже не спросил, как его зовут. Почему он не поинтересовался, кого убили на его глазах? Неужели в отряде не нашлось бойца, который мог бы рассказать Капе, как звали погибшего?⁷⁵

В 1982 году о «Смерти республиканца» написала Гензель Мит, одна из подруг Капы. В письме она рассказала о том, как в конце 1940-х годов, вернувшись из командировки в свою квартиру в Нью-Йорке, обнаружила там своего мужа Отто и Капу, которые яростно спорили об этой фотографии.

Отто сердился, Боб был очень удручен, но не сдавался. Отто высказывался жестко и критически, а Боб выглядел как наказанный щенок. Я очень устала за несколько дней работы и в спор не встревала, но мне показалось, что Отто говорил излишне нравоучительным тоном.

Когда Капа покинул квартиру, Отто молча закурил.

– В чем ты обвиняешь Боба? – спросила Мит. – Ты что, считаешь, что этот снимок – подделка?

– Видит Бог, очень хочется, чтобы это было не так.

– Тогда о чем разговор?

– Не хочу об этом говорить. Надеюсь, что я неправ.

На самом деле Отто яростно спорил с Капой об обстоятельствах, в которых была сделана фотография.

---

⁷³ Джимми Фокс, электронное письмо автору, апрель 2000 года.

⁷⁴ *New York World-Telegram*. – 1937. – 2 September.

⁷⁵ Капа был не единственным фотографом, снявшим момент гибели человека в ходе Гражданской войны в Испании. Скажем, левая газета *London Daily Herald* в номере от 15 октября 1936 года поместила фотографию людей, тонущих в море, а *The Illustrated London News* дал фото семи человек, бегущих по открытому пространству, под заголовком: «Два человека попали под огонь мятежников, один из них был убит» (цит. по: *Caroline Brothers. War and Photography. A Cultural History*. – London: Routledge, 1997). Но фотография Капы была необычной из-за близости фотографа к жертве – не более двадцати шагов – и ее символического драматизма.

– Я знал его [республиканца] при жизни, – сказал ему Капа. – Их обманули. Нас всех обманули. Сначала все было нормально. Огня не было. Они побежали вниз по склону, я тоже побежал.

– Ты что, поднял людей в атаку? – спросил Отто.

– Да нет, конечно. Просто мы все были в эйфории. Ну, может быть, немного не в себе.

– А потом? – спросил Отто.

– И тут вдруг оказалось, что все это происходит на самом деле. Я не слышал стрельбы – по крайней мере первых выстрелов.

– А ты где был?

– Чуть впереди и в стороне от них⁷⁶.

Если верить этому рассказу, то можно понять, что Капа чувствовал себя виноватым, потому что именно он попросил солдат сбежать с открытого холма, и эта просьба стоила человеку жизни. По словам профессора Ханса Путниса, биографа Жизель Фройнд, похожую историю Капа рассказал Фройнд, признавшись, что это он «убил» человека, изображенного на фотографии.

Как показывают приведенные сообщения (заметим, что ни одно из них не исходило непосредственно от самого Капы), версии происходивших событий значительно менялись с течением времени. В связи с этим большой интерес представляют слова самого Капы в радиointerview, посвященном выходу его книги *Slightly Out of Focus*⁷⁷.

О том, что случилось в тот роковой день в 1936 году, Капа рассказал нью-йоркским слушателям радиостанции WNBC в 8:30 утра 20 октября 1947 года. Без всякой подсказки ведущего он вспомнил о «Смерти республиканца» и подчеркнул, что «хорошая фотография рождается в воображении редакторов и зрителей, которые разглядывают снимки». Капа рассказал, что однажды сделал такую фотографию, которую оценили гораздо выше других. Снимая тот эпизод, он, конечно, не знал, что это будет какая-то особенная фотография. «Это случилось в Испании, – объяснил он, – в самом начале моей карьеры фотографа и в самом начале Гражданской войны. Та война была романтической, если можно так говорить о войне...»

Потом Капа рассказал слушателям, что он сделал эту фотографию в Андалусии, когда двигался вместе с группой необученных новобранцев-республиканцев. «Они не были солдатами, – добавил он, – и ежеминутно гибли, причем с великим пафосом. Они думали, что бьются за правое дело и умирают за свободу. Они были в эйфории».

Капа сообщил, что в окопе вместе с ним было около двадцати человек, вооруженных старыми винтовками (в полном противоречии с тем, что он говорил *New York World-Telegram*). «Напротив, на холме, – продолжал он, – находился пулемет мятежников. Новобранцы пять минут постреляли в сторону пулемета, а затем прокричали “*Vamos!*” (“Вперед!”) и, встав в полный рост, пошли на пулемет. Тут-то все и завертелось... Конечно, пулемет заработал и... Оставшиеся в живых новобранцы вернулись в окоп и снова стали стрелять из винтовок в сторону пулемета. Само собой, пулеметчик был достаточно умен, чтобы не отвечать на эту пальбу. И вот через пять минут они снова прокричали “*Vamos*” и опять побежали под пули. Это повторялось три или четыре раза, поэтому, когда они выскочили из окопа в четвертый раз, я просто поднял фотоаппарат над головой и, не глядя, щелкнул затвором».

Капа объяснил, что не проявлял пленки, снятые в тот день. Вместе со многими другими материалами он отправил их в Париж, а сам еще три месяца пробыл Испании. И потом, вернув-

⁷⁶ Гензель Мит, письмо Ричарду Уилану, 19 марта 1982 года. Цитируется с разрешения Джорджии Браун и Центра творческой фотографии.

⁷⁷ «Немного не в фокусе», в переводе на русский язык в 1999 году вышло дополненное и переработанное издание этой книги, названное «Скрытая перспектива». См. *Капа Р. Скрытая перспектива* / Пер. с англ. Владимира Шраги. – СПб.: Клаудберри, 2011. – 280 с. – *Прим. пер.*

шись во Францию, он обнаружил, что стал «очень известным фотографом, потому что камера, которую я держал над головой, зафиксировала человека в тот момент, когда его застрелили».

Фотография «Смерть республиканца» впервые появилась в номере журнала *Vu* от 23 сентября 1936 года. Дополнительную известность этому снимку обеспечили публикации в следующем году в журналах *Paris-Soir* и *Regards*. Профессор Путнис считает, что именно публикация фотографии Капы привела к тому, что швейцарские спонсоры журнала *Vu* изгнали Люсьена Фогеля с поста главного редактора. «Во всяком случае, – подчеркивала Жизель Фройнд, – именно выход осенью 1936 года специального номера, освещавшего Гражданскую войну в Испании с республиканской точки зрения, невероятно возмутил спонсоров *Vu*, и Фогель был вынужден уйти в отставку»⁷⁸.

12 июля 1937 года эта фотография появилась на 19-й странице журнала *Life* с подписью «Испанский солдат падает от пули, пробившей ему голову». Как и в Европе, публикация этого снимка вызвала скандал. Несколько рассерженных читателей написали редактору, обвиняя его в том, что, печатая такие изображения, он проповедует насилие. Подобные фотографии еще никогда не появлялись в американских домах...

Впервые подлинность фотографии «Смерть республиканца» была поставлена под сомнение только в 1974–1975 годах в книге Филиппа Найтли «Первая жертва» (*The First Casualty*)⁷⁹. Найтли взял интервью у О.Д. Галлахера, который во время Гражданской войны в Испании был корреспондентом газеты *Daily Express*. Галлахер рассказал ему, что фотография «Смерть республиканца» была одной из серии постановочных фото, снятых во время затишья между боями.

По его словам, Капа и другие фотографы пожаловались офицеру-республиканцу, что им нечего снимать. Офицер сказал, что он соберет несколько отрядов и устроит маневры. Когда фотография была опубликована, Галлахер усомнился в ее подлинности, поскольку она была слегка размыта. Как он рассказал Найтли, Капа при этом «рассмеялся и сказал: “Если вы хотите получить хорошие фотографии боевых действий, они не должны быть резкими. Только когда рука немного дрожит, получаются прекрасные фотографии”». Впрочем, доверие к этому свидетельству было частично подорвано, когда в 1978 году в интервью историку Хорхе Левински он сказал, что Капа сделал эту фотографию в той части Испании, которую контролировали мятежники. Между тем нет никаких доказательств того, что Капа когда-нибудь посещал ту часть Испании, которая была занята националистами. Учитывая его страстную поддержку республиканского дела, такой визит вообще представляется крайне маловероятным.

Другим важным источником сведений для книги Найтли был Тед Аллан, канадский ветеран гражданской войны, который в возрасте девятнадцати лет влюбился в Герду, а в конце 1930-х годов стал хорошим другом Капы. Он написал Найтли, что однажды обсуждал эту фотографию с Дэвидом (Чимом) Сеймуром, который, как и Картье-Брессон, снимал Гражданскую войну. «Чим сказал мне, что не Капа сделал эту фотографию. Говорил ли он мне, что это он, Чим, сделал этот снимок или что его сделала Герда, – этого я уже сейчас не помню»⁸⁰. Ирме Шабер, биограф Герды Таро, говорит, что она решила не обсуждать в своей книге «Смерть республиканца», потому что не считает эту тему существенной для понимания предмета. Лично она думает, что вряд ли Герда сделала эту фотографию, но в принципе это вполне возможно. Испанский историк культуры Карлос Серрано, который изучал фотографии Капы и Герды этого периода, пишет, что часто невозможно сказать, кто из них сделал ту или иную фотографию. До 1937 года почти все фотографии Герды публиковались либо вообще без подписи, либо за подписью Капы.

---

⁷⁸ *Freund Gisèle. Photography and Society. – Boston: David R. Godine Publisher, 1980.*

⁷⁹ *Knightley Phillip. The First Casualty. – New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1975.*

⁸⁰ *Knightley Phillip. The First Casualty. – New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1975.*

Конечно, тщательно изучив негативы Капы, можно было бы понять, действительно ли этот кадр был случайным, или он был частью поэтапной съемки разных людей или фотографией человека, притворяющегося убитым. Но многие из негативов той пленки, на которой запечатлено данное изображение, уже утрачены. Не существует также ни оригинального оттиска, ни негатива первой фотографии.

Если бы Капа делал постановочную фотографию, то он, скорее всего, сделал бы несколько снимков республиканцев – падающих и делающих вид, что в них стреляли, и, вероятно, использовал бы штатив, чтобы кадры получились резкими. По иронии судьбы, доказательства такого характера можно найти в журнале *Vu*. В одном из его номеров под заголовком «Гражданская война в Испании», в материале, занявшем две страницы, в *Vu* напечатали эту знаменитую фотографию над фотографией другого гибнущего бойца народной милиции. Две фотографии объединял заголовок «Как они погибали». Из подписи однозначно следует, что речь идет о двух разных людях: «Ноги напряжены, грудь открыта ветру, винтовка в руке... Они, срываясь, летят вниз по склону, покрытому редкими пучками травы... Но вдруг их полет прерывают пули, братоубийственные пули, и родная земля выпивает их кровь»⁸¹.

На первом, более известном снимке солдат одет в белую рубашку и темные брюки. На втором – в темный комбинезон. У человека на первом снимке темные ботинки. Второй носит белые матерчатые тапочки-эспадрилы. У первого через плечо на кожаном ремне переброшена патронная сумка с тремя отделениями. У второго – два патронташа на поясе. Их движения, запечатленные на снимке, выглядят совершенно по-разному. С очевидностью, очень маловероятно, что на обеих фотографиях изображен один и тот же человек. Мог ли Капа действительно сделать сначала одну фотографию умирающего человека (случайно, как он сам рассказывал), а затем второй случайный снимок гибнущего человека, причем на том же склоне? Или мы видим один тот же постановочный момент с двумя разными актерами?

Споры продолжаются. На каждого сомневающегося приходится гораздо более страстный защитник подлинности фото «Смерть республиканца». Рут Серф, близкая подруга Герды и Капы, раньше не высказывалась об этой фотографии, но сегодня, когда из всех, кто был в тот период близок к этой паре, в живых осталась она одна, Серф настаивает на том, что фотография аутентична: «Я видела [фотографии], снятые вслед за этой, на них солдат лежал на земле, уже мертвый». Но она не помнит, при каких обстоятельствах она видела эти снимки и что с ними случилось потом...

Следуя за откровениями Найтли, ветеран Гражданской войны в Испании Жорж Сориа также категорически настаивал на том, что эта фотография подлинная: «Профессиональная честность Капы была такова, что невозможно ни на миг представить себе, что он мог бы придумать такую мистификацию – столь же убогую, как и презренную»⁸². Сориа писал, что в августе 1936 года он вместе с Капой двигался на север от Мадрида, к Сьерра-де-Гвадаррама. Когда в ходе одной из контратак республиканцев раздались выстрелы противника, вспоминал Сориа, Капа не нырнул в укрытие, а продолжал стоять и «снимать, как будто ничего не происходит»⁸³, хотя вокруг падали люди.

Сам Сориа не видел, как Капа снимал «Смерть республиканца»: он признается, что упал на землю «при первой же очереди вражеского пулемета». Тем не менее Сориа утверждал, что эта фотография была сделана в августе, в предгорье Сьерра-де-Гвадаррама, в одном дне пути от Мадрида. Между тем в 1936 году Серро Муриано был по крайней мере в трех днях езды от Мадрида, и в любом случае фотография была сделана в сентябре, а не в августе.

---

⁸¹ *Vu*. – 1936. – 23 September.

⁸² *Soria Georges*. Robert Capa, David Seymour-Chim, Les grandes photos de la guerre d'Espagne. – Editions Jannink, 1980.

⁸³ *Soria Georges*. Robert Capa, David Seymour-Chim, Les grandes photos de la guerre d'Espagne. – Editions Jannink, 1980.

В последние годы защитники подлинности этой фотографии все чаще и настойчивее подчеркивают, что этот снимок настоящий, не постановочный. На момент написания этой книги самые последние утверждения на этот счет были сделаны на основании выводов малоизвестного испанского историка-любителя Марио Бротонса, также ветерана той войны⁸⁴. Он утверждал, что человек на фотографии Капы – это Федерико Боррелл, который погиб в возрасте 24 лет 5 сентября 1936 года, то есть в тот день, когда предположительно и была сделана знаменитая фотография. Боррелл работал на мельнице в небольшом городке Алькой, родном городе Бротонса. В начале 90-х годов, собирая материалы для книги о Гражданской войне в Испании, Бротонс просматривал военные архивы в Мадриде и Саламанке. К его изумлению, он обнаружил в обоих архивах доказательства того, что 5 сентября на фронте у Серро Муриано погиб только один человек: Федерико Боррелл. По словам Бротонса, когда он в 1996 году показал фотографию Капы родственникам Боррелла, они без всяких наводящих вопросов узнали Федерико.

У Федерико был младший брат по имени Эверисто, который также сражался около Серро Муриано. В 1996 году английская журналистка Рита Гросвенор взяла интервью у вдовы Эверисто, Марии, для журнала *Observer*. «Это Эверисто сказал нам, что Федерико убит, – сообщила Мария. – Он не видел, как это произошло, потому что был в другом месте. Но его друзья рассказывали ему, что видели, как Федерико поднял руки и сразу же упал на землю после выстрела в голову. Они сказали, что он умер мгновенно»⁸⁵.

Снимок Капы – одна из самых известных фотографий в истории Испании. Почему ни один из родственников Боррелла не узнал его за предыдущие шестьдесят лет, когда в журналах, газетах и на телевидении этот снимок появлялся бесчисленное число раз? К сожалению, Мария умерла за несколько недель до запланированного интервью с автором этой книги, Марио Бротонс умер в 1997 году.

Книга Бротонса не содержит ссылок на источники. Неизвестно, какой документ он нашел, чтобы доказать свое утверждение, что в тот день погиб только один солдат. Почему это утверждение противоречит свидетельству очевидца Франца Боркенау и всем рассказам Капы? Бротонс написал, что нашел свои доказательства в архивах Гражданской войны в Испании в Саламанке и в военных архивах в Авиле, недалеко от Мадрида. Но тщательный поиск в этих архивах не дал ничего, что могло бы поддержать тезис Бротонса. Директор Национального архива Гражданской войны в Саламанке Мигель Анхель Харамильо говорит, что в его архивах нет упоминания о Федерико Боррелле, а Мануэль Мельгар, куратор хранилища в Авиле, уверен, что и в его архиве нет никаких упоминаний о Федерико Боррелле.

Анхель Харамильо проработал в архивах Саламанки десять лет, но никогда не сталкивался с Бротонсом:

«Согласно нашим регистрационным записям, господин Бротонс никогда к нам не заходил. В наших архивах есть много документов, в которых указаны погибшие и пропавшие без вести. Это ведь важная информация для людей, претендующих на пенсии... И я могу определенно сказать, что мы не нашли ни одного упоминания о Боррелле ни в одном списке людей, которые пропали без вести или погибли на войне... Если Бротонс нашел свои доказательства здесь, у нас, то почему он не воспроизвел их в своей книге? Профессиональный историк, делая столь важные утверждения, будет очень осторожен, он даст точную атрибуцию и покажет ее. Странно, что Бротонс этого не сделал...»

Впрочем, даже если согласиться с тем, что человек на фотографии – это на самом деле Федерико, то можно ли сказать, что он умер именно в тот момент, когда был сделан снимок? Ведь он мог умереть несколько часов спустя. А как насчет второго человека на фотографии в

---

⁸⁴ *Brotos Jorda Mario*. Retazos de una epoca de inquietudes (self-published, 1995).

⁸⁵ *Grosvenor Rita, Kemp Arnold*. Spain's Falling Soldier Really Did Die That Day // *Observer*. – 1996. – 1 September.

журнале *Vi*? Почему не был идентифицирован он? Почему Капа никогда не упоминал о его существовании? Наконец, почему, к сожалению, так и не было найдено тело Федерико?

Британская исследовательница Кэролайн Бразерс, которая недавно детальнейшим образом изучила полемику вокруг «Смерти республиканца», делает следующий вывод: «Слава этой фотографии есть показатель существования коллективного воображения, которое хотело и все еще хочет верить некоторым утверждениям о природе смерти на войне. Эта фотография утверждает, что смерть на войне была героической и трагической и что каждый человек был на счету, а его смерть имела значение»⁸⁶.

Стоит ли за «Смертью республиканца» Капы еще какая-нибудь истина кроме той, что эта фотография стала символом смерти? Большой вопрос. Капа не был беспристрастным репортером: он игнорировал зверства, совершенные республиканцами, он выступал идеологическим сторонником коммунизма в Испании.

«Смерть республиканца», подлинная или ненастоящая, в конечном счете является свидетельством определенной политической ориентации и идеализма Капы. И оба этих качества подвергнутся серьезной проверке в предстоящих сражениях «войны страстей». В скором времени он придет к тому, с чем неизбежно сталкиваются все люди, достаточно близко подошедшие к «романтике» войны: к испытанию жестокостью и безумием и к смерти иллюзий.

Одно можно сказать определенно: публикация «Смерти республиканца» ознаменовала собой точку невозврата. Появление этой фотографии стало гарантией того, что мир навсегда запомнит Эндре Фридмана как американского фотографа Роберта Капу – человека настолько решительного, настолько намеренного погрузиться в гущу войны, что он готов снимать даже момент смерти человека.

---

⁸⁶ *Brothers Caroline. War and Photography. – London: Routledge, 1997.*

6. «La Pequeña Rubena»

Когда думаешь обо всех этих прекрасных людях, которых мы оба знали и которых убили... появляется абсурдное чувство, что как-то несправедливо быть живым.

Герда Таро, 9 июля 1937 года⁸⁷

Рассвет 18 сентября 1936 года Капа и Герда встречали среди толпы фотографов и журналистов, собравшихся у Алькасар в Толедо. Точно в 6 часов 31 минуту раздался сильнейший взрыв, который разрушил крепость и потряс весь город, но не помог выбить из развалин осажденных мятежников. Немецкий фотограф Ханс Намут вместе с Капой и Гердой наблюдал, как республиканские войска атаковали Алькасар, но были быстро отброшены. «Мы [видели], как они поднимаются по крутому холму, – писал позднее Намут. – Мы [видели], как кто-то погиб под огнем. Совсем рядом с нами проносили раненых, так что их кровь капала на наши ботинки. Мы [смотрели] в белые глаза мертвых, мы почти оглохли от шума гранат и взрывов динамита»⁸⁸.

Потрясенные и удрученные, Капа и Герда покинули Толедо. 30 сентября двухмесячная осада была снята, Франко разгромил республиканцев и захватил город. Падение Толедо стало для мятежников огромной и пропагандистски важной победой и открыло им путь на Мадрид, расположенный в 65 километрах к северу от Толедо. В тот день, когда пал Алькасар, генерал Франко, который был назначен главнокомандующим повстанческими войсками, выступил с заявлением: «Планы обороны Мадрида? Не смешите. Мы дойдем до него быстрым маршем, сокращая любое нелепое сопротивление».

Герда и Капа к этому времени уже перебрались в столицу и вместе с испуганными горожанами ожидали, когда Мадрид будут атаковать силы Франко. Примерно в это же время в местечке к северу от Мадрида Капа познакомился с талантливым молодым немецким писателем Густавом Реглером, который в то время был политкомиссаром 12-й Интернациональной бригады под командованием яркого и обаятельного Мате Залки, венгерского писателя, известного также как генерал Лукач⁸⁹.

Реглер тогда подумал, что Капа похож на цыгана и выглядит моложе, чем на самом деле (через несколько недель ему исполнилось 23 года). По его словам, Капа присоединился к 12-й Интербригаде, когда она направлялась к реке Мансанарес, где, как говорили, концентрировались другие республиканские силы, готовые защищать Мадрид от первого мощного удара Франко. В полной темноте они пробирались через ничейную полосу, заросшую кустарником, который прихватил мороз, но, когда добрались до реки, обнаружили около нее пустые окопы. Реглер был потрясен: «Мадрид беззащитен перед атакой, как лань, которую преследуют охотничьи собаки»⁹⁰.

При возвращении в штаб-квартиру Лукача Капа впервые попробовал на вкус ужасы войны. «Молодой человек [Капа], – вспоминал Реглер, – пугался снарядов, которые со свистом пролетали над нами и взрывались далеко в стороне. Позже он попросил разрешения переодеть брюки, заметив с юмором, что это его первое сражение и что кишечник у него оказался слабее ног».

---

⁸⁷ Джей Аллен, предисловие к книге: *Death in the Making*. – New York: Covici Friede, 1938. Photographs by Capa and Taro.

⁸⁸ *Schaber Irme*. Gerta Taro: Fotoreporterin im Span. Bürgerkrieg: Eine Biografie. – Marburg: Jonas, 1995.

⁸⁹ Военное искусство и упорство Лукача был вынужден уважать даже генерал Франко.

⁹⁰ *Regler Gustav*. *The Owl of Minerva*. – London: R. Hart-Davis, 1959.

Во время этого первого для него боя Капа сделал еще несколько полезных наблюдений. Оказывается, даже его небольшой рост (173 см) все-таки был на несколько сантиметров выше того роста, который позволял выжить при сильном обстреле. Так что лучший способ сохранить в этих условиях свою голову состоял в том, чтобы прижаться к земле, а еще лучше – заползти на дно глубокой воронки. На линии фронта молчание действительно было золотом: на переднем крае даже на произнесенное шепотом слово *hola* (привет) нередко прилетал ответный «привет» в виде пули снайпера. Оказывается, на войне в голове у человека оставалось только то, что происходит сейчас, в этот миг, а инстинкт и подсознание полностью вытесняют субъективные эмоции и мысли. Вместе с тем, как потом отмечали многие военные фотографы, адреналин, полученный в разгар боя, может вызвать исключительно сильное привыкание.

В конце сентября, когда на Мадрид днем и ночью падали бомбы, Капа и Герда через Барселону вернулись в Париж, завершив таким образом работу над проектом Фогеля. Измученные молодые люди не знали, увидят ли они снова Мадрид. Они пока не смогли показать, как испанский народ может победить фашизм. По сравнению с Испанией, где каждый миг был наполнен напряжением, жизнь в Париже казалась невыносимо сонной. «Пристроив» свои фотографии в коммунистических и левых пропагандистских журналах, они постарались как можно быстрее вернуться в Испанию, чтобы своими снимками снова освещать борьбу с фашизмом.

Капа вернулся первым: он получил новое задание и отправился в Мадрид в ноябре. За время его отсутствия в столице произошли большие перемены: страх перед пытками и изнасилованиями солдатами Франко заставил множество мадридцев встать на защиту своего города. Эпицентром нового сопротивления оказался Каса-де-Кампо, парк на западе Мадрида, где республиканцы выкопали окопы и соорудили сложные баррикады из дверей, чемоданов и вообще всего, что смогли найти. Сидя под сгоревшими дубами на взбегающих на холмы городских улицах, защитники нередко делили одну винтовку на троих, ожидая идеального момента, чтобы выстрелить по врагу. Девочки-подростки, сняв золотые кресты и цепочки, привязывали к плечам подушки, чтобы не оставалось синяков: отдача у винтовки Маузера напоминала удар копытом мула...

Все несколько недель в холодном зимнем Мадриде Капа фотографировал бои за кварталы у Каса-де-Кампо и скотобойни, расположенные к северо-западу от города. Отряды, к которым он присоединялся, переходили от одного разрушенного дома к другому. Его фотографии, сделанные морозной зимой того года, запечатлели бородатых бойцов, греющихся в израненных осколками университетских общежитиях, плачущих матерей, которые сидят со своими детьми на платформах станций метро – когда приходит поезд, спящие дети инстинктивно поджимают ноги и отодвигаются от края платформы. В здании центральной телефонной станции коллеги-корреспонденты отправляют прошедшие цензуру заметки, инстинктивно пригибаясь при взрывах снарядов. А в сотне шагов от линии фронта, в кафе на улице Гран-Виа все еще подают в высоких бокалах кофе со сливками с невероятно сладкими пирожными.

Журнал *World Illustrated*, разместивший эти фотографии на своих страницах, также напечатал снимки, на которых мужчины бросают гранаты в стены домов своих братьев, отметив в комментариях, что «хороших фотографий из Мадрида очень мало. Оба сражающихся лагеря не приветствуют появления у себя фотографов, а там, где можно сделать хорошие снимки, сейчас очень опасно»⁹¹. Впрочем, сам Капа с невероятной легкостью переходил из одной смертельно опасной зоны в другую. Для этого ему просто нужно было запрыгнуть на трамвай. По цене чашки эспрессо на Монпарнасе он мог ездить на войну столько раз, сколько ему хотелось. «На линию фронта? Садитесь вот на этот трамвай, – любезно посоветовал ему как-то один из

---

⁹¹ World Illustrated. – 1937. – 2 January.

мадриленьос (madrileños), жителей Мадрида. – А на метро ехать не советую: можете выйти не на ту сторону»⁹².

Капа также снял множество самых печальных лиц этой войны – лиц окаменевших от горя матерей и их детей. Он стал первым фотографом, который донес ужас войны до читателей во всей Европе и за ее пределами. На его фотографиях сражение за Испанию выглядело совершенно безжалостным: в нем действительно не щадили никого. В этой войне от бомбежек погибло больше невинных людей, чем тех, кто держал в руках оружие. Самое сильное впечатление произвели фотографии Капы, запечатлевшие потрясенных женщин из рабочего пригорода Валлекас, одного из тех районов, которые бомбили больше других. Фотографируя женщин, которые только что вернулись домой и обнаружили разрушенные здания и тела соседей под залитой кровью щебенкой, фотограф держал свою «Лейку» всего в нескольких сантиметрах от их лиц. Когда в декабре он вернулся в Париж, то обнаружил, что *Alliance* продал эти фотографии журналам из многих стран мира. 28 декабря эти снимки Капы составили первый разворот в издании *Life*, новом американском журнале, который начал публиковать их в номере от 23 ноября и быстро распродал весь первоначальный тираж в 466 тысяч экземпляров.

В начале 1937 года Капа снова вернулся в Испанию, на этот раз вместе с Гердой, чтобы сделать фоторепортаж о ситуации с беженцами на побережье Андалусии, куда тысячи людей бежали после того, как мятежники выдвинулись к порту Малага. От Малаги за несколько дней движения по прибрежной дороге можно было добраться до ближайшего республиканского убежища – города Альмерия. Родители умоляли водителей втиснуть детей в забитые грузовики и фургоны, зная, что у них мало шансов увидеть их снова. Люди сотнями падали и умирали от усталости и голода прямо у дороги. Однажды днем их атаковали самолеты мятежников. Пойманные врасплох люди гибли целыми семьями. Канадский врач Норман Бетьюн видел, как немецкие и итальянские самолеты снова и снова заходили над колоннами беженцев и «пулеметными очередями выводили на толпе бегущих сложные узоры»⁹³.

В начале марта Капа и Герда вернулись в Париж с фотографиями этой трагедии. Возможно, именно осознав в полной мере возможность собственной гибели, Капа сделал Герде предложение. К его удивлению, она ответила отказом. Как и Капа, Герда была озабочена судьбой Республики, и «о браке не могло быть и речи, – говорит Рут Серф, – по крайней мере до тех пор, пока фашисты не потерпят в Испании поражение». Кроме того, говорила Герда, если она когда-нибудь и перестанет быть полигамной, то это произойдет только по финансовым соображениям: потенциальный муж должен быть состоятельным человеком, а не внештатным военным фотографом.

У Герды были и другие причины не связывать себя браком. Во время поездки в Испанию она сделала много замечательных фотографий, но до сих пор ни одна из них не появилась в печати под ее собственным именем. На всех подписях ее имя следовало за фамилией Капы: «Фотографии: Капа и Таро». Устав от того, что большинство ее фотографий приписывалось Капе или публиковалось без подписи, она решила продвигать собственное имя. Настало время выйти из тени учителя. «Она была оскорблена тем, что ее имя не упоминалось в печати, – говорит Рут Серф, – и больше не связывала свое будущее с Капой».

Тем не менее позже в этом месяце они вместе вернулись в Мадрид и остановились в отеле Florida. Здесь среди постояльцев они обнаружили 37-летнего американского писателя Эрнеста Хемингуэя, уже получившего известность благодаря своему первому роману «И восходит солнце» (1926, в русском переводе – «Фиеста». – *Примеч. ред.*) и эпическому роману о Первой мировой войне «Прощай, оружие» (1930). В ближайшие несколько лет пути Капы и Хемингуэя

---

⁹² Knox Bernard. Remembering Madrid // New York Review of Books. – 1980. – 6 November.

⁹³ Weyden Peter. The Passionate War: The Narrative History of the Spanish Civil War, 1936–1939. – New York: Simon and Schuster, 1983.

пересекались не раз. Со своей первой встречи с фотографом Хемингуэй восхищался смехом Капы и его убийственной самоиронией. Активный молодой венгр обладал редким талантом: он помогал другим улыбаться даже в самые худшие времена. Со своей стороны, Капа уважал Папу за его страстную поддержку республиканцев и жажду писать свои репортажи из траншей и окопов передовой, а не из гостиничного бара с изобилием напитков или бомбоубежища со всеми удобствами. Это был человек, которому хотелось подражать – если не в манере речи и стиле прозы, то, по крайней мере, в умении писать свою жизнь, как огромное полотно, полное романтики и героизма. «Наша дружба началась в хорошие дни, – вспоминал Капа в своей книге «Немного не в фокусе» (*Slightly Out of Focus*, в русском переводе 1999 года – «Скрытая перспектива». – *Примеч. пер.*). – Впервые мы встретились в 1937 году в республиканской Испании, я тогда был молодым вольным фотографом, а он – очень известным писателем. Его называли Папой... и я вскоре стал считать его своим отцом»⁹⁴.

21 апреля силы Франко подвергли Мадрид самой массивной бомбардировке за все время войны. 27 апреля летчики гитлеровского Легиона «Кондор» варварски уничтожили жителей Герники – культурной и духовной столицы Страны басков... 27-го в городе был базарный день... Спустя несколько дней после этих событий Капа направился на север, в баскский порт Бильбао, где повстанцы начали получать большое преимущество. К тому времени, как он прибыл в Бильбао, бомбардировщики Гитлера уже совершали налеты на город по несколько раз в день. Капа фотографировал матерей с маленькими детьми, бегущих в убежище, в то время как другие люди пытались тушить пожары, которые постоянно бушевали в разрушенном городе.

Американский журналист Винсент Шиэн так вспоминал об одной из бомбежек: «Капа собирался фотографировать, когда в небе появились “Юнкерсы”. Он прыгнул в канаву, и в ту же канаву одновременно с ним прыгнули еще два человека. Тут Капа подумал, что, наверное, будет правильно и к месту представиться незнакомым людям, поэтому он сказал: “Я – фотограф”. На это второй человек сказал: “Я баскский католик”, а третий заметил: “Вот две профессии, которые в данный момент совершенно бесполезны”»⁹⁵.

Примерно в это же время другой американский корреспондент, немногословный Джей Аллен, встретил Капу в аэропорту Бильбао, где он отправлял пленки в Париж, в редакцию *Regards*. На старом грузовике «Пакард» они отправились в город. Аллен вспоминал, что Капа смотрел на него с презрением. «Дело, очевидно, было в том, что я не привез с собой никакой еды, – пишет Аллен. – Еще одного кормить, да такого огромного», – сказал Капа шоферу на плохом испанском.

Несколько дней спустя Аллен и Капа на время отключились от сообщений о войне и пошли в кабаре в центре города. Внезапно пронзительно завывли сирены воздушной тревоги, за ними прогрехотали четыре взрыва. Выскочив из помещения, Капа мгновенно включился в работу. «Я видел, как он спокойно снимал лица людей, пока на опустевшей улице не осталось никого, кроме охранника с винтовкой», – вспоминал Аллен в предисловии к книге «Смерть в творениях» (*Death in the Making*), сборнике фотографий Герды и Капы, опубликованном в США в 1938 году. «[Охранник] отвез нас в убежище. Таким я увидел [Капу] на фронте. Его глаза смотрели на трагедию спокойно, без выражения. Но не так видел ее объектив его фотокамеры»⁹⁶.

7 мая 1937 года войска Франко предприняли атаку у пика Сольюбе, в важном районе в окрестностях Бильбао. Через неделю республиканцы начали оставлять город. Капа вернулся

---

⁹⁴ *Капа Роберт. Slightly Out of Focus.* – New York: Henry Holt and Company, 1947. *Капа Роберт. Скрытая перспектива* / Пер. с англ. Владимира Шраги. – СПб.: Клаудберри, 2011 (название часто переводят «Немного не в фокусе». – *Прим. пер.*).

⁹⁵ Письмо в редакцию журнала «47», октябрь 1947 года.

⁹⁶ *Death in the Making.* – New York: Covici Friede, 1938. *Photographs by Capa and Taro.*

в Париж, где провел полезную встречу с властным, но обаятельным Ричардом де Рочмонтом, главой представительства *Time-Life*. Увидев в журнале *Life* впечатляющие военные фотографии Капы, де Рочмонт попросил его поработать на съемках серии документальных фильмов «Марш времени». Капа согласился.

Теперь он косвенно работал на Генри Люса, босса де Рочмонта и основателя *Life*. По иронии судьбы, Люс был убежден, что Франко – «великий белый рыцарь, который намерен спасти Испанию от этих грязных коммунистов»⁹⁷. Однако фильм де Рочмонта «Репетиция войны» получился яро антифашистским; Люс, к его чести, часто расходился во взглядах с авторами своих фильмов и журналов, но не мешал им их высказывать⁹⁸. Однако Капа как кинооператор совсем отбилась от рук: он не повинился ни де Рочмонту, ни другим продюсерам. «Мне очень нравился Капа, но он был совершенно недисциплинированным, – вспоминал позднее де Рочмонт. – Я отправил его на Испанскую войну с камерой Еуето как военного оператора... [но] он отдал камеру своей подружке, чтобы она что-то там снимала»⁹⁹. Поведением Капы был впечатлен и Том Орчард, ассоциированный продюсер фильма «Репетиция войны»: «Боб был фотографом, но не знал, как пользоваться кинокамерой. Результат: мы получали от него совершенно великолепные кадры, но это были совершенно великолепные фотокадры. Он нажимал на кнопку, вжик – и пяти футов киноплёнки как не бывало!»¹⁰⁰

В конце мая Капа снова встретился с Гердой на перевале Навасеррада, недалеко от Сеговии, чтобы снять наступление республиканцев. На этот раз Капа надеялся, что они с Гердой зафиксируют победу республиканцев – как в кино-, так и в фотокадрах¹⁰¹. Они иступленно работали, снимая динамичные сцены атаки танков и пехоты, но наступление республиканцев быстро захлебнулось, так что им пришлось возвращаться в Мадрид без кадров, которые они так жаждали снять...

В середине июня Капа и Герда поехали из Мадрида на юг. Надежды на то, что удастся снять сцены побед, таяли с каждым днем. Рано утром 24 июня корреспонденты прибыли в штаб-квартиру коммунистического батальона имени Чапаева, дислоцированного под Пеньяройей. В тот же день с фотографами, направлявшимися на Сьерра-де-Мульва, встретился политический комиссар батальона, смелый и остроумный немецкий интеллектуал Альфред Канторович, он же Канто. В своем дневнике Канторович записал, что оружием Капы была большая кинокамера. Политкомиссар также заметил, что Герда была чрезвычайно привлекательной: одетая в брюки, в берете, из-под которого выбивались красивые светло-рыжие волосы, она носила на поясе какой-то миниатюрный револьвер¹⁰².

Дневниковая запись также подробно рассказывает о том, как Герда и Капа в тот же день с помощью бойцов батальона под командованием Канто организовали несколько постановочных атак. «Капа устроил целую сцену атаки: упоенные битвой люди с ужасающими криками штурмовали воображаемые позиции фашистов и в два дубля одержали победу... [Капа] остался очень доволен результатом»¹⁰³.

Таким образом, не имея возможности снять настоящую атаку, они в конце концов были вынуждены прибегнуть к фальшивке. Капа был впечатлен «страстным боевым духом» людей

⁹⁷ Jimmy Shute, цит. по: *Fielding Raymond. The March of Time, 1935–1951*. – New York: Oxford University Press, 1978.

⁹⁸ Бывший фоторедактор *Life* Джон Моррис считает, что снимки Капы помогли уравновесить в целом профранкистскую позицию журнала.

⁹⁹ Jimmy Shute, цит. по: *Fielding Raymond. The March of Time, 1935–1951*. – New York: Oxford University Press, 1978.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Позднее Хемингуэй описал ключевые моменты этого наступления в романе «По ком звонит колокол». Роман, опубликованный в 1940 году, был с восторгом встречен читателями и имел большой коммерческий успех.

¹⁰² *Kantorowicz Alfred. Spanisches Tagebuch*. – Berlin: Aufbau-Verlag, 1949.

¹⁰³ Там же.

Канто и сказал ему, что эта постановочная атака выглядела более реальной, чем настоящая¹⁰⁴. Два дня спустя Капа и Герда отправились вместе с Канто на передовую сражения при Ла-Гранхуэле. Кан написал в своем дневнике: «Ничто не могло удержать ее [Герду], когда она бросила свою камеру на плечо и в полном безрассудстве, среди бела дня, без всякой маскировки пробежала примерно 180 метров до новой позиции. Все обошлось – видимо, фашисты спали, потому что было время сиесты. Герда Таро сфотографировала позиции и бойцов второй роты и начала собираться обратно. Республиканцы почти силой удерживали ее и Капу до захода солнца.

Успешно запечатлев (заведомо победоносные) атаки республиканцев, Капа отправился в Париж, чтобы передать Ричарду де Рочмонту свои пленки и материалы Герды. Сама Герда осталась в Мадриде на II Международной конференции писателей. К этому времени она уже получила широкую известность под псевдонимом *Requeña Rubena* (Рыженькая), так что могла позволить себе организовать представительную встречу левых авторов, пишущих для коммунистической газеты *Ce Soir*. Теперь ее снимки подписывали «Фото Таро», так что Герду по праву можно было считать самостоятельным фотожурналистом.

Перед отъездом в Париж Капа попросил молодого канадского добровольца Теда Аллана позаботиться о Герде. «Я оставляю Герду под твою ответственность, Тедди, – сказал ему Капа. – Береги ее!»¹⁰⁵ Аллан, который собирался стать писателем, работал политкомиссаром в группе доктора Нормана Бетьюна, занимавшегося переливанием крови. Он провел несколько вечеров с Гердой и Капой, которые постоянно пили в баре мадридского отеля *Gran Vía*; иногда к ним присоединялись Хемингуэй и Джон Дос Пассос. «Вот так конфетка!» – подумал Аллан, когда впервые увидел Герду в компании Капы¹⁰⁶...

Ожидая, что редакция *Ce Soir* пришлет ей еще одно задание, Герда перебралась в люкс отеля *Casa de Alianze*, популярного среди самых гламурных антифашистов Испании из-за атмосферы круглосуточного распутства и его артистичных постояльцев вроде чилийского поэта Пабло Неруда. Герда быстро стала звездой *Alianze* и хозяйкой нескольких разгульных вечеринок, на которых стойкие коммунисты наподобие Клода Коберна или Ильи Эренбурга из России слушали красивых молодых поэтов, читавших свои витиеватые стихи.

Своим обаянием Герда быстро одурманила несколько иностранных корреспондентов, находившихся в Мадриде, в том числе «кадаврообразного» Коберна, который писал супероптимистические статьи для лондонского издания *Worker*¹⁰⁷. Кое-что из ее очарования этого времени можно уловить на двух фотографиях Герды, сделанных перед его отъездом в Париж. На первой Герда в зеленой полевой форме сидит рядом с валуном за вооруженным солдатом. На ее лице – экстаз, вызванный вбросом адреналина, связанного с войной. На другом снимке Герда сидит с опущенными руками у могильного камня, на котором вырезаны буквы С и Р («Коммунистическая партия»)¹⁰⁸.

Большую часть июля 1937 года Аллан и Герда до поздней ночи мотались в поисках сюжетов для репортажей. Вид плачущих сирот, голодающих женщин и детей и бесчисленных трупов их невероятно изматывал. Тем не менее Герда оставалась жизнерадостной, а во время переездов от одной точки в другую пела походные песни республиканцев. Любимой у нее была

¹⁰⁴ Кинематографисты, снимавшие «Марш времени», довольно часто прибегали к съемке постановочных сцен. Как известно, Люс разрешал режиссерам использовать «ложь ради верности правде». Часто кинематографисты даже нанимали актеров на роли таких деятелей, как император Эфиопии Хайле Селассие, у которого невозможно было взять интервью.

¹⁰⁵ Неопубликованная биография Теда Аллана, написанная Норманом Алланом, сыном Теда Аллана. Разрешение цитировать любезно предоставлено д-ром Норманом Алланом.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ *Weyden Peter*. *The Passionate War: The Narrative History of the Spanish Civil War, 1936–1939*. – New York: Simon and Schuster, 1983.

¹⁰⁸ Эта фотография могла стать свидетельством симпатии Капы и Герды к коммунизму. «Они оба [Капа и Герда] были коммунистами», – говорит Рут Серф, которая в начале тридцатых годов вместе с Капой и Гердой посещала множество политических митингов прокоммунистически настроенных эмигрантов.

«Песня о четырех генералах», «Los Cuatros Generales», в которой высмеивались четыре генерала мятежников и воспевался дух сопротивления Мадрида¹⁰⁹.

Однажды в своем гостиничном номере Аллан показал Герде несколько написанных им коротких рассказов. Позже он использовал их в романе «А теперь новая земля»¹¹⁰ и был в восторге, когда Герда сказала, что они ей нравятся. Герда ушла в ванную и скоро вернулась с зубной щеткой во рту и в одном нижнем белье. Она легла на кровать.

– А не вздремнуть ли нам перед обедом? – спросила она.

Аллан прилег рядом с ней, стараясь не прикасаться к ее телу. Он знал, как Капа обожал Герду, насколько он был серьезен, когда доверял ему ее жизнь. Герда решила проверить его решимость, коснувшись его века кончиком тонкого пальца.

– Я больше не буду влюбляться! – сказала она. – Это слишком больно.

Аллан спросил, любит ли она Капу.

– Капа – мой друг, – с ударением сказала Герда, – мой приятель.

Как вспоминал потом Аллан, Герда спросила, нравится ли ему, когда его гладят в паху. Он кивнул. Герда взяла его руку, провела ей в своем паху и сказала, что ей тоже нравится, когда ее там трогают. Аллан ласково погладил ее там, но затем остановился. Он чувствовал себя виноватым.

– Ты собираешься выходить замуж за Капу? – спросил он.

– Я же сказала, он мой приятель, а не любимый. Он все еще хочет, чтобы мы поженились, но я не хочу.

– А он ведет себя так, как будто вы любите друг друга, – сказал Аллан. – Он попросил меня позаботиться о тебе.

– Да. Он умный. Он видел, как я смотрела на тебя¹¹¹.

Пока Герда флиртowała с мужчинами, к западу от Мадрида более ста тысяч испанцев истребляли друг друга в битве при Брунете. Герда приехала в этот городок 12 июля, когда снайперы мятежников находились так близко, что могли по своему желанию выбирать жертв среди солдат-республиканцев. Несколько часов она снимала удачные атаки республиканцев на последние опорные пункты повстанцев. На одной из этих фотографий был изображен солдат-республиканец, рисующий на побеленной стене серп и молот рядом с перечеркнутым фашистским лозунгом «*¡Arrriba España!*» («Вставай, Испания!»).

Несколькими днями позже Герда снова оказалась на линии фронта – на этот раз вместе корреспондентом лондонского *Daily Worker* Клодом Коберном, циничным человеком с мертвенно-бледным лицом. Позднее он вспоминал, как в чистом поле они попали под сильный огонь немецких самолетов. «Мы пришли к выводу, что на этот раз у нас очень мало шансов выбраться живыми, – писал Коберн. – После этого умозаключения [Герда] встала в полный рост и начала фотографировать эти самые самолеты.

– Если мы все-таки как-то выберемся отсюда, – сказала она, – у нас будет что показать Комитету по невмешательству в испанские дела»¹¹².

К этому времени Герда уже потеряла представление о реальности, не отличала себя от солдат-республиканцев и постоянно носила на бедре свой изящный револьвер. Своему знакомому, немецкому фотографу Вальтеру Ройтеру, она сказала, что появляется на передовой в

---

¹⁰⁹ Неопубликованная биография Теда Аллана.

¹¹⁰ *Allan Ted. This Time a Better Earth.* – New York: William Morrow & Co, 1939.

¹¹¹ Неопубликованная биография Теда Аллана.

¹¹² *Weyden Peter. The Passionate War: The Narrative History of the Spanish Civil War, 1936–1939.* – New York: Simon and Schuster, 1983. Комитет по невмешательству в дела Испании был создан для предотвращения иностранного участия в гражданской войне. Комитет, куда вошли представители 27 стран, постоянно высмеивали как неэффективный; нацистский министр иностранных дел Йохим фон Риббентроп издевательски назвал его Комитетом по вмешательству.

чулках и на высоких каблуках, потому что это повышает моральный дух мужчин¹¹³. Другим участникам событий, в частности Альфреду Канторовичу и советскому писателю Михаилу Кольцову, Герда представлялась настоящим бойцом-антифашистом: она не замечала политической борьбы, которая раскалывала республиканцев, но становилась все более чувствительной к страданиям испанских гражданских лиц. Идеологические тонкости для нее не имели значения, главное было победить фашизм. «Когда думаешь обо всех этих прекрасных людях, которых мы оба знали и которых убили в ходе этого наступления, – сказала она Коберну, – появляется абсурдное чувство, что как-то несправедливо быть живым»¹¹⁴.

Герда должна была вернуться в Париж в понедельник 26 июля. Но в пятницу, 24-го, республиканцы снова отвоевали какой-то участок территории, и она решила в последний раз вернуться в Брунете. На рассвете в воскресенье утром она позвонила Теду Аллану и попросила ее сопровождать – ей уже удалось найти машину, чтобы добраться до линии фронта. «Мне нужно сделать несколько хороших фотографий, чтобы отвезти их в Париж, – сказала она. – Если при Брунете все еще бьются, то, может, удастся снять пару динамичных картинок»¹¹⁵.

На окраине Брунете французский шофер наотрез отказался двигаться дальше, и Герде с Алланом пришлось пешком пробираться через кукурузное поле. В самом городе они встретили генерала Вальтера, командующего силами республиканцев в этом районе. Он, как и другие командиры, был крайне удручен большими потерями и приказал им немедленно уходить. Герда стала умолять Вальтера разрешить ей остаться, но это не помогло: генерал снова приказал им убираться и на этот раз накричал на Герду. Впрочем, та его не послушала. Видя, что намечается ожесточенное наступление повстанцев, они с Алланом укрылись в мелком окопчике; неподалеку спешно окапывались солдаты-республиканцы.

Вскоре раздался зловещий звук самолетов армии Франко, в небе появились двенадцать бомбардировщиков «Хейнкель», и через несколько секунд вокруг журналистов начали рваться бомбы. Герда принялась за работу: она делала снимок за снимком, несмотря на то что после каждого взрыва окоп засыпало землей. Вернер Боймельбург, один из летчиков Легиона «Кондор», участвовавших в этом налете, посмотрел вниз и увидел такие разрушения, что ему показалось, будто он видит «последний день Земли»¹¹⁶.

Около 16 часов Герда и Аллан заметили бипланы, оснащенные мощными пулеметами. Один из них летел прямо к ним. Аллан понял почему: по-видимому, пилоты увидели солнечный блик от фотоаппарата Герды. Низко спустившийся самолет был виден из их окопа как на ладони, но Герда оставалась спокойной. Под гул самолетов, которые один за другим начали снижаться, она лежала на спине и перезаряжала «Лейку». Рядом с окопом лежала кинокамера Капы. Аллан схватил камеру и попытался закрыться ею, как щитом, от пуль, осколков и летящих камней. Около 17:30 Аллан и Герда внезапно заметили, что на них набегают отступающие солдаты. В паре шагов от того места, где они лежали, нескольких человек буквально разорвало на куски. На поле боя воцарился хаос. Некоторые бойцы побежали прочь. Но затем остальные солдаты-республиканцы направили свои винтовки на бегущих товарищей, и этого оказалось достаточно, чтобы остановить панику. Вскоре республиканцы восстановили боевой порядок. Аллан умолял Герду покинуть поле боя, и наконец она согласилась.

Вместе с шотландским доктором они отошли к новой линии противостояния, которая образовалась между Брунете и соседней деревней Вильянуэва. Вдоль дороги можно было видеть множество трупов и умирающих людей. Герда не стала их снимать: у нее кончилась пленка. В Вильянуэва двое мужчин попросили врача помочь их раненому другу. Они подняли

---

¹¹³ *Schaber Irme*. Gerta Taro: Fotoreporterin im Span. Bürgerkrieg: Eine Biografie. – Marburg: Jonas, 1995.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Неопубликованная биография Теда Аллана.

¹¹⁶ Jaenecke Heinrich. Es lebe der Tod. Die Tragödie des spanischen Bürgerkrieges. – Hamburg: Gruner und Jahr, 1980.

одеяло, укрывавшее их товарища, – у него были страшно изуродованы ноги. Мимо проезжал танк республиканцев, они поместили на него раненых и поехали вместе с ними. Снова показались вражеские самолеты. Танк остановился у побеленного крестьянского дома, двор которого был завален трупами и умирающими.

Показался черный фургон с тремя ранеными. Герда и Аллан остановили его и попросили их подбросить. Герда вскочила на подножку. «Сегодня вечером у нас в Мадриде будет прощальная вечеринка, – сказала она. – Я уже купила шампанское»¹¹⁷.

Внезапно к машине вынесло еще один танк республиканцев, водитель которого потерял управление. Танк врезался в бок машины и раздавил Герду. Аллана отбросило в ближайший кювет. Следующее, что осознал Аллан, – он лежит на обочине дороги в разорванных и окровавленных брюках, но боли не чувствует. Он позвал Герду. Двое солдат подбежали к нему и втащили в канаву. Затем он увидел лицо Герды. Она кричала, ее глаза умоляли помочь ей, но у него отнялись ноги.

Снова налетели самолеты франкистов, и солдаты побежали в убежище. Когда самолеты скрылись, Аллан снова позвал Герду. Ему сказали, что ее увезли в машине скорой помощи. Он спросил, где ее фотоаппарат. Никто этого не знал. Затем кто-то протянул ему ремень Герды – его деревянная пряжка была раздавлена. Через несколько минут он потерял сознание. Его отвезли в госпиталь в монастыре Эскориал.

Госпиталь представлял собой бывшую иезуитскую школу для детей, в ней были большие общие спальни. В отдельных комнатах лежали тяжело раненные. Аллану сообщили, что Герда здесь, ей только что сделали сложную операцию. Английская медсестра сказала, что она в шоке, но может выжить. По-видимому, когда Герду принесли сюда на носилках, она была в сознании, потому что попросила врача отправить телеграммы редактору *Ce Soir* и Капе.

Поздно вечером Герду зашла проведать американская медсестра Ирэн Шпигель. Позднее она рассказывала:

Танк разворотил ей живот. У нее были очень серьезные абдоминальные травмы – все внутренности вывалились наружу. Я помню, что Тед Аллан был там и хотел ее увидеть. Но я не могла пустить его к ней, потому что мне сказали, что из-за сильных болей ей нужен покой. Если бы я знала, что она умрет, то я бы позволила им встретиться. Но она о нем не спрашивала. Единственное, о чем она спросила: «Что с фотокамерами? Они ведь новые. Они целы?» Она умерла, просто закрыла глаза. Я дала ей морфин – у нас не было пенициллина или антибиотиков, – и в конце она не испытывала боли. Я хорошо помню, что она была очень красивой, она могла бы стать кинозвездой. И она ничего не боялась...¹¹⁸

Аллану сказали, что Герда умерла, только в 6 часов утра в понедельник, 26 июля. Его сын, доктор Норман Аллан, рассказывает, что смерть Герды преследовала отца до самой его кончины в Монреале в 1995 году¹.

* * *

27 июля Капа в Париже купил газету *L'Humanité* и в кратком отчете о положении дел в Испании прочитал: «Как сообщается, во время боя под Брунете была убита французская журналистка мадемуазель Таро». Капа был ошеломлен. Неужели это правда? Но позже в этот день ему позвонил Луи Арагон, главный редактор *Ce Soir*. Герда действительно погибла.

---

¹¹⁷ Неопубликованная биография Теда Аллана.

¹¹⁸ Интервью автору.

Пока Капа ждал в Париже, когда тело его возлюбленной вернется из Испании, левая пресса Европы успела канонизировать Герду, возвысив ее от безрассудного репортера до антифашистской святой. *Ce Soir* напечатал сотни соболезнований и страницу за страницей отводил для описания ее жизни. *Life* назвала ее «вероятно, первой женщиной-фотографом, погибшей во время боевых действий»¹¹⁹. Только в пятницу 30 июля 1937 года гроб с телом Герды прибыл в Париж. На вокзале Аустерлиц его встречали товарищи-коммунисты и многочисленные друзья, члены семей Капы и Герды. Среди встречавших была и Рут Серф, которая хорошо помнит толпу из десятков тысяч членов коммунистической партии, которые составили похоронную процессию на следующий день, 26-й день рождения Герды. Процессия прошла от Центра культуры до кладбища Пер-Лашез.

По словам очевидцев, следовавший за гробом Капа был безутешен. Когда отец Герды начал читать Тору, он зарыдал. Ища утешение в одиночестве и бутылке, он заперся в своей квартирке и оплакивал Герду две недели, при этом ничего не ел и винил в смерти ее спутника, оставшегося в живых. Это Капа научил Герду фотографировать «Лейкой». Он ввел ее в мир военной фотографии. Он видел, какие необычные снимки делает она под его началом. По ее плану он должен был стать всемирно известным фотографом, но разработчик этого плана погиб. Почему она? Почему не он?!

По мнению Анри Картье-Брессона, над Капой опустилась какая-то завеса. Когда же эта завеса наконец поднялась, люди увидели совершенно другого человека: циника, все большего приспособленца, порой – совершенного нигилиста, человека, который боится привязанностей, человека с навечно разбитым сердцем.

Старый друг Капы Пьер Гассман пытался утешить его, говоря, что это был несчастный случай, что он не виноват. Гассман помнит, как Капа сказал ему, что это он виноват в ее смерти.

Это был тот единственный раз, когда он был действительно серьезен со мной. Капа сказал мне: «Я бросил ее в опасности – она бы никогда не погибла, если бы я был там. Пока она была со мной, она была в безопасности. Если бы я был там, она делала бы то, что делал я. Я бы никогда не позволил ей встать на подножку. Это было полное безрассудство. Я бы никогда этого не допустил».

Семья Герды тоже обвинила Капу в гибели девушки. Ее братья пылали к нему ненавистью. По свидетельству Гензель Мит, они накинулись на него прямо после похорон своей сестры: «Была ужасная драка... Боба сильно избили»¹²⁰. «При этом, – добавляет Рут Серф, – все винили Капу в смерти Герды только потому, что именно с ним она уехала в Испанию».

Венгерский друг Капы Дьёрдь Маркош также пытался его утешить. Он позднее вспоминал, что Капа, который продолжал сильно пить всю оставшуюся жизнь, «особенно сильно бушевал и пил запоем» в течение нескольких дней после похорон Герды.

– Капа, это не может так продолжаться, – умолял его Дьёрдь. – Ты сойдешь с ума и погубишь себя! Ты не имеешь права этого делать. Ты востребован, у тебя впереди большие дела.

– Да, да, – бормотал Капа, – ты прав. Я должен что-то делать¹²¹.

Но что? По словам его знакомого, французского фотографа Вилли Рони, смерть Герды побудила Капу задуматься об отказе от фотожурналистики и уходе в киноиндустрию. Кроме того, он намеревался получить работу фотографа в кругосветном круизе¹²². Ему стало невыносимо бродить по кварталам, которые они обходили вместе с Гердой, или сидеть в кафе, где они строили планы на будущее, поэтому Капа сбежал из Парижа на сырые улицы Амстердама. «Возможно, это мое романтическое представление, – говорит Эва Бешнё, которая тогда жила

¹¹⁹ *Life*. – 1937. – 16 August.

¹²⁰ Гензель Мит, недатированное письмо Ирме Шабер.

¹²¹ *Markos György*. My Friend Capa // *New Hungarian Quarterly*. – 1976. – Winter.

¹²² *Le Goff Hervé*. Pierre Gassmann. La Photographie à l'épreuve. – Paris: France Delory, 2000.

в этом городе. – Но я почему-то я думаю, что вместе с Гердой умерла часть Капы. Видно, она и впрямь была его второй половиной».

В более поздние годы Капа часто говорил о Герде как о своей жене, а коллеги и друзья поддерживали эту фантазию и повторяли, что он действительно женился на ней. Собственного слова ему было недостаточно, несколько месяцев после ее смерти он носил фотографии Герды в своем портмоне и часто демонстрировал их в барах или в мерцающем свете костров, рассказывая о днях их славы в Испании. «После смерти Герды он всегда говорил со мной о ней, говорил снова и снова, – вспоминает Рут Серф. – Она была самой большой любовью его жизни».

К ноябрю 1937 года Капа оправился от потери Герды настолько, что снова мог работать, и вернулся в Испанию. Гражданская война достигла критической точки. Силы Республики и интернациональные бригады все чаще оказывались несопоставимыми с потенциалом армии Франко с ее десятками тысяч обученных и хорошо вооруженных солдат Гитлера и Муссолини, линкорами и, конечно, сотнями современных самолетов. Теперь Франко побеждал в ключевых сражениях по всей Испании. 21 октября под ударами мятежников пал Хихон, последний оплот республиканских сил на севере страны.

В начале декабря Капа начал работать с Гербертом Мэтьюзом из *New York Times*, одним из самых объективных корреспондентов, освещавших войну. Подобно Джорджу Оруэллу и другим писателям, которые приобретали в Испании первый опыт освещения военных действий, Мэтьюз не рассматривал войну упрощенно, как крестовый поход добра против зла. На его взгляд, зверства совершали обе стороны, и война уже не была братоубийственным делом: и республиканцев, и мятежников теперь поддерживали иностранные державы. А они все чаще рассматривали войну в Испании как генеральную репетицию более масштабной войны в Европе и за ее пределами. Особенно скептически Мэтьюз относился к советским действиям в Испании. Сталинские эмиссары, похоже, стремились превратить Республику в коммунистическое государство с жесткой дисциплиной, насаждаемой беспощадной секретной службой¹²³.

15 декабря 1937 года повстанцы атаковали Теруэль, мрачную естественную крепость, окруженную горами высотой более тысячи метров, которая блокировала их продвижение к Валенсии, на побережье Средиземного моря. Капа и аскетичный дотошный Мэтьюз прибыли туда 21 декабря. Город был почти окружен. Если он падет, Франко наконец получит шанс разорвать связь между Барселоной и Мадридом, тем самым разделив республиканские силы.

Несколько дней Капа и Мэтьюз вместе с Эрнестом Хемингуэем и краснолицым Сефтоном Делмером, журналистом средних лет, представлявшим *Daily Mail*, освещали битву за Теруэль. Каждый вечер они возвращались на отдых в комфортабельный отель, расположенный в ста километрах от мест боев, в Валенсии. В канун Рождества Хемингуэй попрощался с ними и вернулся в Америку заканчивать документальный фильм «Испанская земля» (снят по сценарию и с закадровыми комментариями Эрнеста Хемингуэя. – *Примеч. ред.*) и собирать деньги для республиканцев. В первый день нового 1938 года пришли новости о том, что Теруэль, похоже, пал.

Следующим утром Мэтьюз и Капа отправились в путь. По заснеженным дорогам передвигаться было трудно. В тот день они столкнулись с группой замерзших республиканцев, которые ломали лед со своих машин. Другая группа пыталась с помощью лебедек затянуть машины вверх, в горный городок, по самому крутому отрезку последней открытой дороги. Примерно в половине восьмого вечера уставшие и голодные журналисты наконец миновали Пуэрто Рагудо, последний перевал перед Теруэлем.

---

¹²³ Можно только догадываться о том, каково было отношение Капы к насильственным действиям в ходе сопротивления испанского Народного фронта режиму Франко. Нет никаких доказательств того, что он чувствовал такую же горечь, как Оруэлл, который видел медленное изменение отношения к Республике со стороны самовлюбленных экстремистов, ослепленных догмой о широком фронте борьбы с фашизмом.

Прибыв в деревню Баракас, расположенную на другом склоне горы, они вскоре забыли превратности прошедшего дня. Здесь они весело провели у костра ночь с офицерами карабинеров, наслаждаясь вяленой треской, хлебом, вином и кофе. Им даже удалось поспать несколько часов на пыльном ковре. На следующее утро они снова отправились в путь. Дорога была усыпана приметами войны: гниющими тушами животных, разбитой мебелью и сторевавшими машинами. В густых ветвях одного дерева они увидели окоченевший труп солдата-республиканца. Его лицо выражало смертельный ужас: видно, он обматывал ветви телефонным проводом, когда его настигла пуля снайпера.

У самого Теруэля Мэтьюз и Капа поняли, что республиканцы удерживают свои позиции, но не все. Самые жестокие бои шли у здания резиденции гражданского губернатора в центре города. Мэтьюз и Капа вместе с группой республиканских солдат вошли в здание и стали подниматься по лестнице, скользя по ошметкам штукатурки и щебенке.

Они попали в зону убийств, где у человека окончательно сдавали нервы и его покидал рассудок от ужаса: по зданию эхом разносились выстрелы из винтовок, которым отвечали щелчки пистолетов самоубийц, мольбы о пощаде со стороны республиканских заложников и взрывы гранат. Прижимаясь спинами к стенам, изрытым следами от пуль, Капа и Мэтьюз проникли внутрь дома. За несколько минут им удалось пробраться на третий этаж.

– Viva Franco! – внезапно закричали несколько боевиков. – Viva España!

Люди Франко, которые, оказывается, находились этажом ниже, стали стрелять по Капе и Мэтьюзу. Несколько республиканцев открыли ответный огонь прямо через пол, а затем забросали комнаты внизу гранатами.

Сердце вырывалось из груди. Капа и Мэтьюз прошли несколько шагов, а затем вышли в коридор, заглядывая в одну комнату за другой. И в каждой из них один испанец убивал другого. А в одной из комнат они лицом к лицу столкнулись с одиноким республиканцем, готовым убивать до конца.

– Получи, сволочь! Одна пуля для тебя, другая – для Франко! – выкрикнул солдат и дважды выстрелил из револьвера. Раздался душераздирающий крик, затем плач и стоны агонии. Мэтьюз посмотрел в яму в полу и увидел молодого повстанца с гранатой. Он был готов выдернуть чеку. Республиканцы снова выстрелили, всадив в своего соотечественника еще три пули.

– Ужасно, правда? – сказал Мэтьюз.

Как только сопротивление повстанцев в здании было сломлено, Капа присоединился к поиску людей, которые, как стало известно, скрывались где-то в подвале. В конце концов они нашли более 50 человек, в основном женщин и детей, и помогли им выбраться из-под обломков. В репортаже для *Ce Soir* Капа рассказал, как эти люди прожили более двух недель на остатках еды своих защитников и нескольких гнилых сардинах. Эти похожие на мертвецов люди были настолько обессилены, писал он, что даже не могли выбраться из своих укрытий. Глубоко впечатленный их страданиями Капа написал, что не может найти слов, чтобы описать «эту душераздирающую сцену»¹²⁴.

В середине февраля 1938 года Франко захватил город и двинулся к Средиземному морю. Стало ясно, что Республиканская Испания обречена¹²⁵.

В других государствах Европы фашизм также наступал, причем все более успешно. 14 марта восторженные толпы приветствовали Гитлера, въезжавшего в Вену, столицу своей родины Австрии. 19 апреля Франко захватил Винарос и другие города на побережье между Валенсией и Барселоной, окончательно разрезав надвое Республиканскую Испанию.

---

¹²⁴ *Ce Soir*. – 1938. – 8 January.

¹²⁵ Сведения об осаде Теруэля и цитаты взяты из книги *Matthews Herbert L. The Education of a Correspondent*. – New York: Harcourt Brace, 1946.

Но Капа уже не освещал эти удручающие события. 21 января он покинул Европу и пошел на другую войну против тоталитаризма, еще более жестокую, чем та, которая шла в Испании, на другом конце света.

7. «400 МИЛЛИОНОВ»

Это была такая же борьба: народная война в Испании против агрессора и народная война в Китае против Японии.
Йорис Ивенс. Фотокамера и я

В январе 1938 года Капа согласился участвовать в съемках документального фильма «400 миллионов», которые должны были происходить в Китае. Его задача заключалась в том, чтобы делать фотографии и выступать в роли помощника кинооператора. Предстояло работать на страшной жаре в разгар японо-китайской войны, которая уже унесла более миллиона жизней. Съёмочная группа состояла из Йориса Ивенса в качестве режиссера и Джона Фернхаута в качестве оператора – с ними Капа подружился в Испании. У Ивенса была личная причина взять Капу в Китай для работы над фильмом: он полагал, что Капа женился на Герде, и чувствовал себя «обязанным загрузить [Капу] работой, чтобы вывести его» из состояния неизбывного горя¹²⁶.

Кинофильм «400 миллионов» был еще более амбициозным проектом, чем пропагандистская лента «Испанская земля». Ивенс хотел показать, как Объединенный фронт, то есть союз между коммунистами и националистами Чан Кайши, успешно борется с отвратительным японским империализмом. Проект был также намного опаснее предыдущего. В качестве меры предосторожности Ивенс даже договорился с продюсером картины о том, как нужно интерпретировать условные сообщения из Китая. Например, слова «Джон серьезно заболел» следовало понимать как «Вывезите нас из этой страны как можно быстрее».

Капа и Фернхаут должны были встретиться с Ивенсом в Гонконге и потом вместе двинуться в глубь Китая. Их путешествие началось в Марселе 21 января 1938 года. Вместе с ними на борту французского лайнера «Арамис» оказались два молодых британских писателя, которые направлялись на Восточный фронт интернациональной борьбы с фашизмом; это были Уистен Хью Оден и Кристофер Ишервуд.

Ишервуд позже вспоминал, что Капа и Фернхаут были у пассажиров второго класса душой общества. Они постоянно кого-то подкалывали, за кем-то ухаживали, обзывали друг друга по-французски и сыпали плоскими шутками. «Капа – венгр, но он “пофранцузистее” иного француза; коренастый и смуглый, с грустными темными глазами комедианта... Фернхаут – высокий светловолосый молодой голландец, такой же дикий, как Капа, но чуть менее шумный»¹²⁷.

«Арамис» вошел в порт Гонконга 16 февраля. Отсюда Ивенс и его операторы вылетели в город Ханькоу, где находилась временная база правительства Чан Кайши. В Ханькоу через знакомых корреспондентов Капа узнал, что в последнее время вторгшиеся в Китай японские войска одержали заметные победы, но сильно растянулись по территории страны. Хотя многие на Западе предсказывали, что Китай станет второй Эфиопией, японцы оказались в сложном положении, и во многом это произошло благодаря коммунистам Мао Цзэдуна.

Через несколько дней после прибытия в Ханькоу Ивенс понял, что он, как говорится, откусил больше, чем может проглотить. Дело в том, что проект «400 миллионов» решила взять под свое крыло жена Чан Кайши, властная «мадам Чан», красивая и безжалостная фанатка газетного магната Генри Люса, которая получила образование в США. Как оказалось, только с ее разрешения Ивенс и его команда могли снимать войну против Японии. В течение шести

---

¹²⁶ *Ivens Joris. The Camera and I. – New York: International, 1969.*

¹²⁷ *Isherwood Christopher. Christopher and His Kind, 1929–1939. – New York: Farrar, Straus & Giroux, 1976.*

недель после приезда она не выпускала кинематографистов из Ханькоу, да и в городе за ними повсюду следовали ее шпионы.

В своих мемуарах «Фотокамера и я» (The Camera and I. – New York: International, 1969) Ивенс вспоминал, что хотел рассказать о коммунистах Мао Цзэдуна, но «мадам» этого сделать не позволила. Это ведь националисты были настоящими героическими защитниками Китая, а не Мао и его армия. Это ведь «революционные элементы» похитили ее мужа и согласились освободить его лишь при условии, что он вступит в союз с коммунистами, чтобы более эффективно бороться с японским вторжением 1937 года.

Чтобы оплатить свою поездку в Китай, Капа согласился предоставлять журналу *Life* «спонтанные» фоторепортажи на разовой основе. Вскоре был представлен первый такой репортаж – несколько лестных фотографий «золотой пары Китая» для журнала синофила Люса, который откровенно поддерживал «героического» Чан Кайши. Если что и могло превзойти этот репортаж, так это еще более бесстыдный пропагандистский материал Стефана Лорана, опубликованный в британском журнале *Picture Post* 5 ноября 1938 года. «50-летний китайский главнокомандующий сделал фантастическую карьеру, – говорилось в этой статье. – Самый критикуемый человек в мире и его очаровательная супруга – это основа китайского сопротивления Японии». Капа несколько раз встречался с мадам Чан. Позже он рассказывал другу, что однажды, чтобы остаться трезвым, ему пришлось вылить несколько предложенных коктейлей в горшки с цветами. (Поговаривали, что мадам Чан Кайши, «строгая пуританка и протестантка-методистка», могла подать мартини со смертельным ядом.)

В 16 часов 16 марта Капа взял свои камеры и отправился работать над сюжетом для журнала *Life* под названием «Выступление китайских детей для новобранцев». На сцене, сооруженной на площади, лежали дети, изображающие спящих китайских солдат и местных крестьян. Внезапно на сцене появился еще один ребенок – он играл жестокого начальника, который бьет крестьян плеткой. Спектакль закончился тем, что китайские солдаты увели как японских захватчиков, так и богатых землевладельцев – двух врагов китайских масс. Этот пропагандистский спектакль (ничуть не более изысканный, чем фоторепортаж в журнале *Life*) был поставлен специально для солдат-новобранцев. Они сидели в грязи тут же, у сцены, одетые в такую тонкую форму, что ночью их пробирала дрожь.

Съемка фильма «400 миллионов» стала для всех ее участников печальным опытом. «Все шло из рук вон плохо, – вспоминала Эва Бешнё, которая позже вышла замуж за Фернхаута. – Джон [Фернхаут] рассказывал мне, что в группе возникли резкие противоречия. В действительности Капа на них не работал». «Величайшему военному фотографу в мире», как назвал его 3 декабря 1938 года журнал *Picture Post*, претило быть простым ассистентом. А когда он сосредоточился на съемке своих фотографий, то обнаружил, что прямо конкурирует с очень талантливым Уолтером Босхардом, бывшим фотографом *Derphot*, который тоже подписал контракт с журналом *Life* и присылал туда замечательные фоторепортажи.

В начале апреля команда Фернхаута наконец покинула Ханькоу и вместе с группой военных советников (и еще более крупной группой соглядатаев) отправилась на поезде на северо-восток, к Суйчжоу, где проходила линия фронта. Это было нервное путешествие: японцы решили, что единственный способ взять, а затем удерживать обширные участки китайской территории состоит в том, чтобы контролировать железные дороги, а это означало постоянный надзор и возможность обстрела любых поездов¹²⁸.

В шесть часов утра 3 апреля Капа и его коллеги прибыли на станцию Суйчжоу. На платформе они обнаружили четырех умирающих гражданских. «Ну что, все потихоньку двинулось, – позже писал Ивенс. – Мы прибыли вовремя. Китайская армия как раз окружала японцев под Тайэрчжуаном... Пока Капа фотографировал нашу группу, я подумал о том, что в

---

¹²⁸ Информация из книги *Ivens Joris. The Camera and I. – New York: International, 1969.*

этой войне за независимость возникла уникальная ситуация. Впервые в истории Китая все его армии объединились в одну...»¹²⁹

4 апреля Капа через артиллерийские очки одного китайского стрелка осмотрел японские позиции, расположенные в четырех милях от них. Внезапно японцы начали обстреливать наблюдательный пост. Капа укрылся в старом амбаре. Позже, вечером, он в компании Ивенса и Фернхаута «хриплым заунывным голосом» пел песни венгерских степей. На следующий день Капа получил свой первый урок в качестве второго оператора. «Цензор, генерал Ту, приняв очень важный вид, не пропустил снятый крупным планом пистолет, – отметил Ивенс. – Абсурд! Это ведь немецкое оружие, сделанное в 1933 году и всем давно и хорошо известное». В этот же день Капа выучил свои первые китайские слова: «Бу яо кань» («Не смотри [в камеру]»).

В 6 утра 7 апреля, проснувшись, Капа узнал, что китайцы взяли Тайэрчжуан. Он рассвирепел. Генерал Ту не дал ему приблизиться к японским позициям, чтобы сфотографировать их, и в результате он пропустил первое поражение Японии на памяти живущих и первую победу китайцев в этой войне! Около полудня Капа присоединился к столь же разозленным Ивену и Фернхауту, и они в грузовике двинулись в захваченный населенный пункт. Когда они добрались до окраины, на горизонте появился японский самолет, который затем вышел прямо на них. Они укрылись за «маленьким песчаным могильным холмиком». «Мы вжались в землю лицами вниз, – записал Ивенс, – чтобы японский летчик не мог видеть наши лица – они хорошо заметны».

Стоявший неподалеку бронепоезд открылся огонь по самолету, тот еще немного покругил и ушел. В тот день Капа все-таки попал в село и обнаружил, что оно полностью разрушено. Когда Капа и Фернхаут начали съемку на одной из улиц, там внезапно закричала какая-то старуха: она подумала, что камера – это оружие. Другая старуха молча сидела в одиночестве «среди обломков досок и глины». «Это мой дом», – объяснила она.

Репортаж Капы, опубликованный в *Life* 23 мая, был кстати для Люса, ликовавшего от победы китайцев. «Победа сделала Тайэрчжуан самой известной деревней в Китае, – гласил текст над фотографиями солдат после падения города. – К названиям небольших городов, определивших поворотные моменты в истории, – Ватерлоо, Геттисберг, Верден – нужно добавить еще одно... На следующий день весь Китай праздновал великую победу. В день сражения прекрасный военный фотограф Роберт Капа, который стал свидетелем этой битвы, проявил свои пленки и отправил их самолетом-амфибией *China Clipper* в журнал *Life*». Таким образом, в *Life* заявили, что Капа снимал боевые действия в ночь на 6 апреля, хотя на самом деле он в это время крепко спал.

11 апреля группа выехала из города, чтобы снять на пленку раненого китайского крестьянина и его семью. Быстро темнело, поэтому они перешли на галоп, отчего кейсы с камерами подпрыгивали и били их по спинам. Да, они скакали верхом. «Это были крепкие коренастые лошадки, на которых армия Чингисхана завоевала всю Азию и часть Европы. Иногда в темноте мы теряли друг друга. Капа, скакавший галопом на полной скорости, внезапно вообразил, что он и есть Чингисхан, и стал кричать нам что-то воинственное. На самом деле с тыла он был больше похож на Санчо Пансу. Его приземистый силуэт комично подпрыгивал в седле, потому что “Чингисхан” сел на лошадь второй раз в жизни».

Следующим вечером расстроенный Капа и раздраженный Ивенс попытались понять, куда переместилась линия фронта. «Глубокой ночью мы слышали низкие звуки канонады где-то в предгорьях, – писал Ивенс. – Звук был такой, словно выбивают тяжелые одеяла; иногда такие звуки мерещатся в лихорадке. Затем мы слышали удары колокола, смешавшиеся с пулеметными очередями... и – долгая тишина. Затем рядом с нами через поле с молодым

¹²⁹ Там же. Все описания поездок также взяты из этого источника.

зеленым гаоляном цепочка тяжело пыхтевших солдат быстро протащила тяжелый пулемет. Но нам запретили идти с ними».

К большому возмущению мадам Чан и ее армии цензоров и шпионов, на Пасху Капа и его коллеги вернулись в Ханькоу. Ивенс и Фернхаут 29 апреля отправились на северо-запад Китая; Капа обещал двинуться туда через два дня. Но через несколько часов после того, как ушел поезд с корреспондентами, японцы начали массированную бомбардировку – так они отмечали день рождения императора Хирохито. Налет привел к более тысяче жертв среди гражданского населения, и среди пылающих улиц и разрушенных зданий Капа увидел столь же ужасные картины, как в Мадриде. Делая снимки, он снова сосредоточился на ужасах и терроре против гражданского населения. Вот отец с маленьким ребенком на руках бежит в убежище во время налета. Вот женщина прячет заплаканное лицо от фотоаппарата. Вот человек тщетно пытается потушить сильный огонь ударами вока.

Эта бомбежка уничтожила все остатки энтузиазма, с которым Капа отправлялся в китайское приключение. Вскоре он стал завсегдатаем бара *Dump*, в котором сплоченная группа западных корреспондентов, в том числе американские писатели Агнес Смедли и Эдгар Сноу, поглощали джин и дешевый виски. «Наши прежние ценности, казалось, исчезли, и мы потеряли отношение к материальным предметам, – вспоминала Смедли, – никто не знал, будет ли у нас завтра. Мы были как пассажиры на корабле, тонущем в бурном море, которые наконец обрели свою подлинную человеческую натуру... В напряженной атмосфере войны для нас новому зазвучали поэзия, песни, мы острили, и волшебное сияние озарило нашу дружбу»¹³⁰.

В начале июля Капа отстранился от марафона по поглощению всякого пошла в *Dump* и уехал снимать разлив Желтой реки (Хуанхэ), специально устроенный для того, чтобы остановить наступление японцев. Эффектные взрывы плотин действительно на несколько недель остановили японцев, но оставили после себя более двух миллионов бездомных китайцев. На фотографиях Капы видны промокшие крестьяне, которые отчаянно пытаются добраться до сухого места, тогда как их дома уносят потоки грязи. Капа вернулся в Ханькоу 4 июля и буквально через несколько часов после этого присоединился к Ивенсу и Фернхауту, чтобы сфотографировать заседание Высшего военного совета Чан Кайши. Прежде такие встречи всегда были закрыты для прессы, потому что фотографии «Генералиссимуса», сделанные Капой, получили широкую известность.

19 июля японцы в первый раз обстреляли жилые районы Ханькоу. Пока Капа под яростным полуденным солнцем бродил по развалинам, пламя охватило весь город. В некоторых местах жар был настолько сильным, что кожа на лицах людей едва не лопалась. В воздухе кружился пепел, от домов остались только закопченные остовы...

В начале августа Ивенс и Фернхаут отправились в Нью-Йорк. В один из августовских дней, когда температура в полдень все еще превышала 38 градусов по Цельсию, Капа познакомился с самым, наверное, замечательным персонажем в истории китайско-американских отношений. Это был американский военный атташе в Китае Джозеф Стилуэлл по прозвищу Уксусный Джо. Прозвище было вполне заслуженным, ибо Стилуэлл, словно едкий уксус, быстро разъедал наивные западные представления о китайцах. Капа наткнулся на него в военном лагере у Наньчана, в 150 милях от Ханькоу, где американские и другие советники пытались оценить соотношение сил воюющих армий. Ситуация выглядела угрожающей, причем как для Стилуэлла, так и для Капы: японцы были в нескольких дневных переходах от Ханькоу.

Утром 7 сентября Капа присоединился к Стилуэллу, когда тот вместе с группой британских и французских военных атташе выехал на передовую. Стилуэлл отметил в своем дневнике, что Капа оказался «парнем что надо». Другая запись гласит: «Ехали ночью, с трудом, охрана сбилась с пути. Выючный транспорт, кули, измученные, скрюченные, умирающие

---

¹³⁰ *Smedley Agnes. Battle Hymn of China. – New York: Alfred A. Knopf, 1938.*

люди... Японский самолет обстрелял дорогу из пулемета с высоты 70 метров... Хлеб и сыр на завтрак, от Капы. Унылый, но держится... Жарко, как в аду»¹³¹.

В Париже фотографии Капы увидели Дьёрдь Маркош и Сьюзи Маркиз. Маркиз поняла, что он жив, только когда пришла следующая порция фотографий. Маркош предположил, что Капа решил показать миру те ужасы, которые лишили его Герды. Фотографии были самыми страшными из всех, которые он видел: «Дети с раздутыми животами, беременные женщины в крови и грязи; китайцы, копающие себе могилы под надзором японских солдат; японские солдаты, отрабатывающие штыковые атаки на живых китайцах... Капа отправился на поиски смерти, – заключил он, – но не нашел ее. Во всяком случае, пока не нашел»¹³².

Ожидая вместе с другими корреспондентами падения Ханькоу и гибели последних его защитников, Капа задумался о том, хочет ли он провести остаток жизни фотографом-фрилансером. В письме к своему другу коммунисту Питеру Кёстеру, с которым он встречался во время работы в Derphot, Капа затронул идею создания агентства из молодых фотографов, которые могли бы сами распоряжаться своими работами¹³³.

В конце сентября, когда Ханькоу еще не капитулировал, Капа отправился в Париж. За несколько дней до отъезда из Китая навсегда он сделал первые в мире фотографии войны в цвете, используя для этого 35-миллиметровую пленку Kodachrome. В номере *Life* от 17 октября целых две страницы были заняты фотографиями, свидетельствующими о последствиях очередного налета бомбардировщиков. «Трущобы Ханькоу, столицы отступающего правительства Китая, – гласит подпись, – после японской бомбардировки окрашены красным пламенем и черным дымом. Женщина-кули в синей юбке мрачно глядит на свой скарб, пока пылающий Ханькоу погружается в полуденную жару».

Японцы в конце концов взяли Ханькоу; это произошло 25 октября 1938 года. К тому времени Капа уже вернулся в Испанию, чтобы сделать самый душераздирающий репортаж в своей карьере, репортаж об окончательном поражении Республики.

---

¹³¹ Tuchman Barbara W. Stilwell and the American Experience in China, 1911–1945. – London: Macmillan, 1971.

¹³² Markos György. My Friend Capa // New Hungarian Quarterly. – 1976. – Winter.

¹³³ Whelan Richard. Robert Capa: A biography. – New York: Knopf, 1985.

8. Окончательное поражение

Страны живут не только победами, но и примерами того, как ведут себя их народы в трагические времена.
Хуан Негрин, 1939¹³⁴

Через несколько дней после того, как Капа покинул Китай, Великобритания и Франция подписали Мюнхенское соглашение, то есть позорную капитуляцию перед ведущим себя все более агрессивно Гитлером. 30 сентября премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен, эффектно потрясая подписанным документом, заявил: «Я привез вам мир». Вскоре к заискивающему перед Гитлером Чемберлену присоединился Сталин, который приказал вывести из Испании шесть тысяч советских военных, действовавших в составе интернациональных бригад. Несколько европейских держав также согласились отозвать добровольцев, большинство из которых входили в интербригады. Республика была вынуждена в одиночку сражаться против Франко и его союзников Гитлера и Муссолини.

Капа прибыл в Барселону в начале октября, уже понимая, что в «войне страстей» республиканцы практически проиграли. В группе «сражавшихся до последнего» в баре отеля Majestic он натолкнулся на Эрнеста Хемингуэя. Папу держала за руку потрясающая блондинка – Марта Геллхорн, журналистка канадского еженедельника *Collier's*, обладавшая острым умом и манерой говорить, приобретенной в престижном женском колледже Брин-Мар. Элегантная, смешливая и умеющая сострадать Марта ко времени этой встречи уже опубликовала роман и сборник рассказов и провела достаточно много времени в Германии, чтобы разделить ненависть Капы к нацистам.

Со временем Геллхорн стала считать Капу кем-то вроде брата по крови – он оказался одним из немногих мужчин, которые действительно понимали терзавшие ее противоречия и страсти. В ту осень они много спорили о политике (он с беспощадностью указывал на ее наивность во многих вопросах) и подшучивали друг над другом, но всегда со взаимной симпатией. Однажды Капа заявился в отель в новом пальто из верблюжьей шерсти с огромными лацканами и перламутровыми пуговицами. Она заметила ему, что в Барселоне «это пальто совершенно не к месту». «Если меня убьют, – сказал он ей совершенно серьезно, – то я хочу умереть в строгом двубортном пальто из верблюжьей шерсти»¹³⁵. В своем романе «Пока смерть не разлучит нас» (*Bound Until Death*) Геллхорн изобразила его с гораздо большей глубиной, чем любой из многочисленных писателей-мужчин, с которыми он сталкивался. Она звала его Бара. Бара «по-особому, по-цыгански привлекателен; его любят женщины, его рады видеть мужчины; по жизни он даритель, а не приобретатель. Это человек, о котором все говорят, что они его знают, хотя на самом деле в глаза его не видели. Люди рассказывают о нем истории, цитируют его, гордятся тем, что их с ним видели, с удовольствием ему помогают». Себя Марта замаскировала под именем Марушка, которая, как говорит Бара, «похоже, русская, потому что у нее досоветская русская душа – такая жестокая, такая нелогичная, такая возвышенная, такая абсурдная».

25 октября Капа приехал в город-крепость Монблан, где премьер-министр Испании Хуан Негрин собирался выступить перед уходящими интербригадовцами. На фотографиях, сделанных Капой во время его выступления, сотни мужчин поднимают кулаки в республиканском

---

¹³⁴ Цит. по: *Weyden Peter. The Passionate War: The Narrative History of the Spanish Civil War, 1936–1939.* – New York: Simon and Schuster, 1983.

¹³⁵ *Weyden Peter. The Passionate War: The Narrative History of the Spanish Civil War, 1936–1939.* – New York: Simon and Schuster, 1983.

приветствии и плачут, не скрывая слез. Они прошли через две горьких и холодных зимы, ели сухую ослитину и козлятину... Но теперь их война подошла к концу.

Прошло четыре дня. Утром Капа проснулся рано. Он очень волновался, что его «Лейки» окажутся неисправными. Стало известно, что прощальный парад интербригад начнется в четыре тридцать – точное время последнего марша скрывали до последнего, опасаясь массового воздушного налета. Когда Капа добрался до знаменитого проспекта Диагональ в центре Барселоны, он увидел там десятки тысяч возбужденных каталонцев с букетами в руках – они пришли попрощаться с интербригадовцами.

У людей слезы брызнули из глаз, когда на проспект вышла первая группа добровольцев: это был почетный караул из солдат и матросов, которые высокими голосами пели марш республиканцев. Затем появились первые интернационалисты – немцы из 11-й бригады, шагавшие шеренгами по восемь человек. Подбежавшие женщины осыпали их цветами. Вскоре под сапогами марширующих образовался ковер из лепестков. Небо заполнилось полосками бумаги, которые бросали из окон верхних этажей. К колонне пристраивались мальчишки; утомленные солдаты поднимали их и сажали к себе на плечи.

Завершали шествие 200 человек из американской бригады имени Авраама Линкольна. Гордый марш интернационалистов замедлял ковер из цветов, которые местами уже доходили до лодыжек. Во главе колонны шел высокий красивый командир Милтон Вольф, который как-то сказал, что его товарищи стали «закоренелыми антифашистами» раньше других иностранцев.

Капа познакомился с Вольфом, когда фотографировал его с Хемингуэем. Было это еще до того, когда они вместе в начале 1938 года оказались на фронте у Абриля. С тех пор и поныне Вольф восхищался способностью Капы улыбаться в несчастье и тем поднимать настроение окружающих. «Капа всегда “надевал” хорошее лицо, – говорил Вольф. – Он никогда не был мрачным, этот сумасшедший венгр! Мы все восхищались его фотографиями, его шуточками. Из его испанских снимков видно, что большую часть времени он провел на фронте. Он льстил офицерам, говорил, что сделает хорошие снимки, и так пробирался ближе к местам боев».

Когда на проспекте Диагональ собрались все добровольцы-интернационалисты, на трибуну поднялась Пассионария (Долорес Ибаррури Гомес – деятель испанского и международного коммунистического движения, активный участник республиканского движения в годы Гражданской войны 1936–1939 годов, затем деятель эмигрантской оппозиции диктатуре Франко. – *Прим. пер.*), знаковая фигура сопротивления Франко. Смуглая женщина средних лет с горячими умными глазами бросила замечательный лозунг: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Потом она обратилась к женщинам, которых в огромной толпе было множество. «Вы, женщины Испании! Когда пройдут годы и затянутся раны войны, поговорите со своими детьми, расскажите им об интербригадах. Скажите им, что эти люди оставили все, своих любимых, свою страну, свои дома, свою судьбу и сказали нам: “Твое дело, Испания, – это наше дело”. Многие тысячи их остались здесь, и земля Испании стала им саваном».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.